

Эдвард Гиббон

История упадка и разрушения Римской империи

Эдвард Гиббон

**История упадка и разрушения
Римской империи**

«Public Domain»

1776-1787

Гиббон Э.

История упадка и разрушения Римской империи / Э. Гиббон — «Public Domain», 1776-1787

Труд английского историка 18 века Эдварда Гиббона «История упадка и крушения Римской империи» – одно из самых замечательных научно-исследовательских сочинений. «История» Гиббона содержит достоверные яркие и образные портреты выдающихся людей, ее отличает тонкое аналитическое чутье и эрудиция автора, живой литературный язык повествования. Гиббон был активным участником Семилетней войны, не понаслышке знающим военное дело. Понимание стратегии и тактики воинского мастерства отразилось на его блестящем описании императорских походов и междоусобных столкновений. Эта книга включает переработанный вариант сочинения Гиббона, позволяющий читателю, интересующемуся историей Западной Римской империи, максимально быстро получить необходимые сведения, минуя лишний груз византийской проблематики.

Содержание

Предисловие автора	5
Глава 1 (I–VII, X)	7
Глава 2 (XII)	19
Глава 3 (XIII)	37
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Эдвард Гиббон

История упадка и крушения Римской империи

Предисловие автора

Я вовсе не намерен утомлять читателя пространным объяснением разнообразия и важности предмета, за который я взялся, так как достоинства моего выбора только обнаружили бы с большей очевидностью недостатки моего труда и сделали бы их менее извинительными. Но так как я осмеливаюсь предложить публике лишь только первую часть «Истории упадка и крушения Римской империи», то, может быть, найдут уместным, чтобы я вкратце объяснил, в чем заключается общий план моего сочинения и какие его рамки.¹

Достопамятный ряд переворотов, который в течение почти тринадцати столетий постепенно расшатывал и наконец разрушил громадное здание человеческого величия, может быть довольно удобно разделен на следующих три периода:

I. Начало первого из этих периодов может быть отнесено к веку Траяна и Антонинов – к тому времени, когда Римская империя, достигшая своего полного развития и высшего могущества, начала клониться к упадку; а простирается он до разрушения Западной империи пришедшими из Германии и Скифии варварами – этими невежественными предками самых цивилизованных народов современной нам Европы. Этот громадный переворот, отдавший Рим в руки готского завоевателя, завершился около начала шестого столетия.

II. Начало второго периода упадка и разрушения Рима можно отнести к царствованию Юстиниана, который своими законами столько же, сколько и своими победами, временно восстановил блеск Восточной империи. Этот период обнимает собой вторжение лангобардов в Италию, завоевание азиатских и африканских провинций арабами, принявшими веру Магомета, восстание римлян против слабых константинопольских императоров и возвышение Карла Великого, создавшего в 800 г. вторую Западную, или Германскую, империю.

III. Последний и самый длинный из этих периодов вмещает в себя около шести с половиной столетий, начиная с восстановления Западной империи вплоть до взятия турками Константинополя и до пресечения выродившегося поколения монархов, не перестававших носить титулы Цезарей и Августов, после того как их владения сузились до размеров одного города, в котором уже давно были забыты и язык, и нравы древних римлян. Писатель, взявшийся за изложение событий этого периода, будет вынужден коснуться общей истории крестовых походов в той мере, в какой они содействовали падению Греческой империи, и едва ли будет в состоянии настолько сдержать свое любопытство, чтобы не заглянуть в положение города Рима во время средневекового мрака и неурядиц.

Так как я, быть может, с излишней поспешностью решился издать сочинение, заслуживающее эпитет несовершенного во всех значениях этого слова, то я считаю, что я принял на себя обязательство закончить, скорее всего, во второй части первый из этих достопамятных периодов и представить читающей публике полную историю упадка и разрушения Рима, начиная с века Антонинов и кончая падением Западной империи. Относительно следующих периодов хотя я и питаю некоторые надежды, но не беру на себя смелости давать какие-либо положи-

¹ Настоящий том содержит избранные главы первой части труда Э. Гиббона, посвященной истории Западной Римской империи. Нумерация глав двойная – арабской цифрой обозначен порядок глав в данном издании, римской, в скобках, – в труде Э. Гиббона

тельные обещания. Исполнение изложенного выше обширного плана должно связать древнюю историю мира с новой, но оно потребует многолетнего здоровья, свободного времени и терпения.

Бентинк-стрит, 1 февраля 1776 г.

Так как я только что издал полную историю упадка и крушения Западной Римской империи, то я считаю вполне исполненными мои обязательства перед публикой. Может быть, ее одобрение поощрит меня на продолжение работы, которая при всей кажущейся ее трудности составляет самое приятное для меня занятие в часы досуга.

Бентинк-стрит, 1 марта 1781 г.

Всякий автор без труда приходит к убеждению, что общественное мнение не перестает благосклонно относиться к его работе; вот почему я твердо решил продолжать мой труд до последнего периода моего первоначального плана и до последнего периода существования Римской империи, то есть до взятия турками Константинополя в 1453 г. Если самый терпеливый читатель сообразит, что в столь объемном томе изложены события только четырех столетий, он, вероятно, будет испуган длинной перспективой еще девятисот лет. Но я не имею намерения излагать историю Византии в ее мельчайших подробностях. При вступлении в этот период нам придется остановить наше внимание на царствовании Юстиниана и на магометанских завоеваниях; а последний век Константинополя (крестовые походы и турки) находится в связи с переворотами, пережитыми новейшей Европой. Темный промежуток времени между седьмым и одиннадцатым столетиями будет восполнен кратким изложением таких фактов, которые имеют или особый интерес, или особую важность.

Бентинк-стрит, 1 марта 1782 г.

Глава 1 (I–VII, X)

**Введение. – Мирлюбивая система Антонинов. – Военная система. –
Общее благосостояние. – Новые принципы управления. – Преторианская
гвардия, ее бесчинства. – Тридцать тиранов. – Начало упадка империи**

Введение

Во втором столетии христианской эры владычество Рима обнимало лучшую часть земного шара и самую цивилизованную часть человеческого рода. Границы этой обширной монархии охранялись старинной славой и дисциплинированной храбростью. Мягкое, но вместе с тем могущественное влияние законов и обычаев постепенно скрепило связь между провинциями. Их мирлюбивое население наслаждалось и злоупотребляло удобствами богатства и роскоши. Внешние формы свободных учреждений охранялись с приличной почтительностью: римский сенат, по-видимому, сосредоточивал в своих руках верховную власть, а на императоров возлагал всю исполнительную часть управления. В течение счастливого периода, продолжавшегося более восьмидесяти лет, делами государственного управления руководили добродетели и дарования Нервы, Траяна, Адриана и двух Антонинов. Затем, со времени смерти Марка Антонина, раскрываются главные причины упадка и разрушения империи, то есть главные причины такого переворота, который останется памятным навсегда, которые до сих пор отзываются на всех народах земного шара.

Римская военная организация

Царствования Адриана и Антонина Пия представляют приятную картину всеобщего мира. Римское имя было уважаемо у самых отдаленных народов земного шара. Самые надменные варвары нередко обращались в своих распрях к посредничеству императоров, и один из живших в то время историков сообщает нам, что он видел тех послов, которые приезжали просить о принятии их народа в римское подданство, но получили отказ.

Страх, который внушало военное могущество Рима, придавал умеренности императоров особый вес и достоинство. Они сохраняли мир тем, что были всегда готовы к войне и, руководствуясь в своих действиях справедливостью, в то же время давали чувствовать жившим вблизи от границ империи племенам, что они так же мало расположены выносить обиды, как и причинять их. Марк Аврелий употребил в дело против парфян и германцев те военные силы, которые Адриан и старший Антонин лишь держали наготове. Нападения варваров вывели из терпения этого монарха-философа: будучи вынужден взяться за оружие для обороны империи, он частью сам, частью через своих генералов одержал несколько значительных побед на берегах Евфрата и Дуная. Здесь будет уместно изучить римскую военную организацию и рассмотреть, почему она так хорошо обеспечивала и безопасность империи, и успех военных предприятий.

Во времена республики, когда нравы были более чисты, за оружие брался тот, кого воодушевляла любовь к отечеству, кому нужно было оберегать свою собственность и кто принимал некоторое участие в издании законов, которые ему приходилось охранять ради личной пользы и по чувству долга. Но по мере того как общественную свободу поглощали обширные завоевания, военное дело постепенно возвышалось до степени искусства и постепенно унижалось до степени ремесла. Даже в то время, когда легионы пополнялись рекрутами из самых отдаленных

ленных провинций, предполагалось, что они состоят из римских граждан. Это почетное название вообще считалось или легальной принадлежностью воина, или самой приличной для него наградой; но более серьезное внимание обращалось на существенные достоинства возраста, силы и роста. При наборах рекрутов весьма основательно отдавалось предпочтение северным климатам над южными; людей, самых годных для военного ремесла, предпочтительно искали не в городах, а в деревнях, и от тех, кто занимался тяжелым кузнечным и плотничным ремеслом или охотничьим промыслом, ожидали более энергии и отваги, нежели от тех, кто вел сидячую жизнь торговца, удовлетворяющего требованиям роскоши. Даже тогда, когда право собственности перестало считаться необходимым условием для занятия военных должностей, командование римскими армиями оставалось почти исключительно в руках офицеров из хороших семейств и с хорошим образованием; но простые солдаты, подобно тем, из которых составляются наемные войска в современной нам Европе, набирались между самыми низкими и очень часто между самыми развратными классами населения.

Не одной только быстротой или обширностью завоеваний должны мы измерять величие Рима. Ведь государь, царствующий над русскими степями, имеет под своей властью еще более обширную часть земного шара. В седьмое лето после своей переправы через Геллеспонт Александр воздвигнул Македонские трофеи на берегах Гифазиса. В течение менее ста лет непобедимый Чингисхан и происходившие от одного с ним рода монгольские властители распространили свои жестокие опустошения и свое временное владычество от китайских морей до пределов Египта и Германии. Но прочное здание римского могущества и было воздвигнуто, и оберегалось мудростью многих веков. Покорные провинции Траяна и Адриана были тесно связаны между собой общими законами и наслаждались украшавшими их изящными искусствами. Им, может быть, иногда и приходилось выносить злоупотребления лиц, облаченных властью, но общие принципы управления были мудры, несложны и благотворны. Их жители могли спокойно исповедовать религию своих предков, а в том, что касается гражданских отличий и преимуществ, они постепенно приобретали одинаковые права со своими завоевателями.

Несмотря на общую всем людям склонность восхвалять прошлое и хулить настоящее, как жители провинций, так и сами римляне живо чувствовали и откровенно признавали спокойное и цветущее положение империи. «Они сознавали, что правильные принципы общественной жизни, законодательство, земледелие и науки, впервые выработанные мудростью афинян, теперь распространялись повсюду благодаря могуществу Рима, под благотворным влиянием которого самые лютые варвары соединены узами одного для всех правительства и одного для всех языка. Они утверждают, что вместе с распространением искусств стал заметным образом умножаться человеческий род. Они прославляют возрастающее величие городов, улыбающийся вид полей, возделанных и украшенных как громадный сад, и продолжительный праздник мира, которым наслаждаются столькие народы, позабывшие о своей прежней вражде и избавившиеся от страха будущих опасностей». Как бы ни казался подозрительным риторический и напыщенный тон приведенных выражений, их содержание вполне согласно с исторической истиной.

Глаз современника едва ли был способен заметить, что в этом всеобщем благосостоянии кроются зачатки упадка и разложения. А между тем продолжительный мир и однообразие системы римского управления вносили во все части империи медленный и тайный яд. Умы людей постепенно были доведены до одного общего уровня, пыл гения угас, и даже воинственный дух испарился. Европейцы были храбры и сильны. Испания, Галлия, Британия и Иллирия снабжали легионы превосходными солдатами и составляли настоящую силу монархии. Жители этих стран по-прежнему отличались личным мужеством, но у них уже не было того общественного мужества, которое питается любовью к независимости, чувством национальной чести, присутствием опасности и привычкой командовать. Они получали законы и губернаторов от своего государя, а их защита была вверена армии, состоявшей из наемников.

Потомки их самых отважных вождей довольствовались положением граждан или подданных. Самые честолюбивые между ними поступали ко двору или под знамена императоров; провинции стали пустеть и, утратив политическое могущество и единство, постепенно погрузились в вялую безжизненность домашних интересов.

Если мы захотим обрисовать в немногих словах систему императорского управления в том виде, как она была установлена Августом и как она поддерживалась теми из его преемников, которые хорошо понимали и свои собственные интересы, и интересы народа, то мы скажем, что это была абсолютная монархия, прикрывшаяся республиканскими формами. Властелины римского мира окружали свой трон полумраком; они старались скрыть от своих подданных свое непреодолимое могущество и смиренно выдавали себя за ответственных уполномоченных сената, верховные декреты которого они сами и диктовали, и исполняли.

Если бы у кого-нибудь спросили, в течение какого периода всемирной истории положение человеческого рода было самое счастливое и самое цветущее, он должен был бы без всяких колебаний назвать тот период, который протек от смерти Домициана до восшествия на престол Коммода. Римская империя на всем своем громадном пространстве управлялась абсолютной властью, руководительницами которой были добродетель и мудрость. Армии сдерживались твердой и вместе с тем мягкой рукой четырех следовавших один за другим императоров, которые внушали невольное уважение и своим характером, и своим авторитетом. Формы гражданского управления тщательно охранялись и Нервой, и Траяном, и Адрианом, и Антонинами, которые наслаждались внешним видом свободы и находили удовольствие в том, что выдавали себя за ответственных представителей закона. Такие государи были бы достойны чести сделаться восстановителями республики, если бы римляне того времени были способны пользоваться разумной свободой.

Большая часть преступлений, нарушающих внутреннее спокойствие общества, происходит от того, что необходимое, но неравномерное распределение собственности налагает стеснения на вожделения человеческого рода, предоставляя лишь очень немногим пользование тем, к чему стремятся все. Из всех наших страстей и наклонностей жажда власти есть самая высокомерная и самая вредная для общества, так как она внушает человеческой гордости желание подчинять других своей воле. Среди сумятицы внутренних раздоров законы общества утрачивают свою силу, и редко случается, чтобы их заменяли законы человеколюбия. Горячность борьбы, гордость победы, отчаяние в успехе, воспоминание о прошлых унижениях и страх предстоящих опасностей – все это разгорячает ум и заглушает голос сострадания. Вот те причины, по которым почти каждая страница истории запятнана кровью междоусобицы; но ни одной из этих причин нельзя объяснить ничем не вызванных жестокостей Коммода, который мог наслаждаться всем и которому ничего не оставалось желать. Возлюбленный сын Марка Аврелия наследовал своему отцу при радостных приветствиях сената и армии, а при своем восшествии на престол этот счастливый юноша не видел вокруг себя ни соперников, которых нужно бы было устранить, ни врагов, которых нужно бы было побороть. На таком спокойном и высоком посту он натурально должен был бы предпочитать любовь человеческого рода его ненависти и добрую славу своих предшественников позорной участи Нерона и Домициана.

Преторианская гвардия

Влияние военной силы более ощутительно в обширных монархиях, нежели в мелких государственных единицах. По вычислениям самых компетентных политиков, всякое государство придет в конце концов в истощение, если оно будет держать более одной сотой части своих членов под ружьем и в праздности. Но если бы эта пропорция и была повсюду одинакова, все-таки влияние армии на остальную часть общества будет различно, смотря по тому, как велика ее действительная сила. Выгоды, доставляемые военной тактикой и дисциплиной,

утрачиваются, если надлежащее число солдат не соединено в одно целое и если это целое не оживлено одним духом. В небольшой кучке людей такое единство не привело бы ни к каким серьезным результатам, а в неповоротливой громадной массе людей оно было бы практически неприменимо, так как сила этой машины одинаково уничтожается и от чрезмерной тонкости, и от чрезмерной тяжести ее пружин. Чтобы понять справедливость этого замечания, достаточно только сообразить, что не существует такого превосходства природных сил, искусственных орудий или упражнений приобретенной ловкости, которые сделали бы одного человека способным держать в постоянном подчинении целую сотню его собратьев; тиран одного города или небольшого округа скоро поймет, что сотня вооруженных приверженцев будет плохой для него охраной от десяти тысяч крестьян или граждан; но сто тысяч хорошо дисциплинированных солдат будут деспотически повелевать десятками миллионами подданных, а отряд из десяти или пятнадцати тысяч гвардейцев будет способен наводить ужас на многочисленное население громадной столицы.

Численный состав преторианской гвардии, неистовства которой были первым симптомом и главной причиной упадка Римской империи, едва ли достигал последней из вышеупомянутых цифр. Она вела свое начало от времен Августа. Этот хитрый тиран, понимавший, что законы могут только приукрасить незаконно захваченную им власть, но что одна только вооруженная сила может ее поддержать, организовал этот сильный отряд гвардейцев, всегда готовый охранять его особу, внушать страх сенату и предупреждать или подавлять всякую попытку восстания. Он отличил эти привилегированные войска от остальной армии двойным жалованьем и высшими правами, а так как их страшный вид мог встревожить и раздражить жителей Рима, то он оставил в столице только три когорты, а остальные разместил по соседним городам. Но по прошествии пятидесяти лет мира и рабства Тиберий отважился на решительную меру, навсегда заклепавшую кандалы его отечества. Под благовидным предлогом освобождения Италии от тяжелого бремени военного постоя и введения более строгой дисциплины между гвардейцами он собрал их в Риме и поместил в постоянном лагере, который был укреплен с искусным старанием и по своему положению господствовал над городом.

Император Север

Имея в виду редкие дарования Севера и его блестящий успех, один изящный историк сравнивал его с первым и величайшим из Цезарей. Но это сравнение, по меньшей мере, не полно. Разве можно отыскать в характере Севера то душевное величие, то благородное милосердие и тот обширный ум, которые умели согласовать и соединять склонность к удовольствиям, жажду знания и пыл честолюбия? Этих двух людей можно сравнивать между собой только в том, что касается быстроты их военных движений и побед, одержанных в междоусобных войнах. Менее чем в четыре года Север подчинил себе и богатый Восток, и воинственный Запад. Он осилил двух славившихся своими дарованиями соперников и разбил многочисленные армии, так же хорошо вооруженные и так же хорошо дисциплинированные, как его собственная. В то время искусство фортификации и правила тактики были хорошо знакомы всем римским генералам, а потому постоянное превосходство Севера было превосходством артиста, пользовавшегося теми же орудиями, как и его соперники, но с большим искусством и с большей предприимчивостью. Я не имею намерения подробно описывать эти военные операции; так как обе междоусобные войны – и та, которую он вел против Нигера, и та, которую он вел против Альбина, – сходны между собой и по способу их ведения, и по выдающимся фактам, и по их последствиям, то я ограничусь соединением в одно целое тех интересных обстоятельств, которые всего лучше уясняют и характер победителя, и положение империи. Хотя вероломство и неискренность кажутся несовместимыми с достоинством государственного управления, однако в этой сфере они возмущают нас менее, нежели в частной жизни. В этой последней они

свидетельствуют о недостатке мужества, а в государственных делах они служат лишь признаком бессилия; но так как даже самый даровитый государственный человек не имеет достаточной личной силы, чтобы держать в повиновении миллионы подчиненных ему существ и миллионы врагов, то ему как будто с общего согласия разрешается употреблять в дело лукавство и притворство под общим названием политики. Тем не менее хитрости Севера не могут быть оправданы даже самыми широкими привилегиями, обыкновенно предоставляемыми ведению государственных дел. Он давал обещания только для того, чтобы погубить, и, хотя ему случалось связывать себя клятвами и договорами, его совесть, повиновавшаяся велениям его интересов, всегда освобождала его от бремени стеснительных обязательств.

Новые принципы управления

Истинные интересы абсолютного монарха обыкновенно совпадают с интересами его подданных. Их число, богатство, спокойствие и безопасность составляют лучшую и единственную основу его настоящего величия, и, если бы даже он не был одарен никакими личными достоинствами, одно благоразумие могло бы заменить их и заставить его держаться этой точки зрения. Север смотрел на Римскую империю как на свою собственность и лишь только упрочил обладание ею, тотчас занялся разработкой и улучшением столь драгоценного приобретения. Полезные законы, исполнявшиеся с непоколебимой твердостью, скоро исправили большую часть злоупотреблений, заразивших после смерти Марка Аврелия все отрасли управления. В отправлении правосудия решения императора отличались вниманием, разборчивостью и беспристрастием; если же ему случалось уклониться от строгих правил справедливости, он делал это обыкновенно в интересах бедных и угнетенных не столько из чувства человеколюбия, сколько из свойственной деспотам склонности унижать гордость знати и низводить всех подданных до общего им всем уровня абсолютной зависимости. Его дорогие постройки и траты на великолепные зрелища, а главным образом беспрестанные и щедрые раздачи хлеба и провизии служили для него самым верным средством для приобретения привязанности римского народа. Бедствия, причиненные внутренними раздорами, были позабыты; провинции снова стали наслаждаться спокойствием и благоденствием, и многие города, обязанные своим возрождением щедротам Севера, приняли название его колоний и засвидетельствовали публичными памятниками о своей признательности и о своем благосостоянии. Слава римского оружия была восстановлена этим воинственным и счастливым во всех предприятиях императором, и он имел полное основание похвастаться тем, что, когда он принял империю, она страдала под гнетом внешних и внутренних войн, но что он прочно установил в ней всеобщий, глубокий и согласный с ее достоинством мир.

Хотя раны, нанесенные междоусобной войной, по-видимому, совершенно зажили, их нравственный яд еще тек в жилах конституции. Север был в значительной мере одарен энергией и ловкостью, но для того чтобы сдерживать наглость победоносных легионов, едва ли было бы достаточно отваги первого Цезаря или глубокой политической мудрости Августа. Из чувства ли признательности, или из ошибочных политических соображений, или вследствие кажущейся необходимости Север ослабил узы дисциплины. Он потворствовал тщеславию своих солдат, позволяя им носить в знак отличия золотые кольца, и заботился об их удобствах, позволяя им жить в лагерях в праздности вместе с женами. Он увеличил их жалованье до небывалых размеров и приучил их ожидать, а вскоре вслед за тем и требовать подарков всякий раз, как государству угрожала какая-нибудь опасность или совершалось какое-нибудь публичное празднество. Возгордившись своими отличиями, изнежившись от роскоши и возвысившись над общим уровнем подданных благодаря своим опасным привилегиям, они скоро сделались неспособными выносить трудности военной службы, обратились в бремя для страны и перестали подчиняться справедливому требованию субординации. Их офицеры заявляли о

превосходстве своего звания еще более расточительной и изящной роскошью. До нас дошло письмо Севера, в котором он жалуется на распущенность армии и советует одному из своих генералов начать необходимые реформы с самих трибунов, потому что, как он основательно замечает, офицер, утративший уважение своих солдат, не может требовать от них повиновения. Если бы император продолжил нить этих размышлений, он пришел бы к тому заключению, что эту всеобщую испорченность нравов следует приписать если не примеру, то пагубной снисходительности верховного начальника.

Преторианцы, умертвившие своего императора и продавшие империю, понесли справедливое наказание за свою измену, но необходимое, хотя и опасное, учреждение гвардии было восстановлено Севером по новому образцу, а число гвардейцев было увеличено вчетверо против прежнего числа. Первоначально эти войска пополнялись итальянскими уроженцами, а когда соседние провинции постепенно усвоили себе изнеженность столицы, их стали пополнять жителями Македонии, Норика и Испании. Взамен этих изящных войск, более способных придавать блеск двору, нежели годных для войны, Север решил, что во всех пограничных легионах будут выбирать солдат, отличающихся силой, мужеством и верностью, и будут переводить их в знак отличия и награды на более выгодную службу в гвардии. Вследствие этого нововведения итальянская молодежь стала отвыкать от военных занятий, и множество варваров стало наводить ужас на столицу и своим внешним видом, и своими нравами. Но Север льстил себя надеждой, что легионы будут смотреть на этих отборных преторианцев как на представителей всего военного сословия и что, всегда имея наготове пятьдесят тысяч человек, более опытных в военном деле и более щедро оплачиваемых, нежели какие-либо другие войска, он навсегда оградит себя от восстаний и обеспечит престол за собой и за своим потомством.

Командование этими привилегированными и страшными войсками скоро обратилось в самый высший пост в империи. Так как система управления извратилась в военный деспотизм, то преторианский префект, вначале бывший не более как простым капитаном гвардии, был поставлен не только во главе армии, но также во главе финансов и даже юстиции. В каждом отделе администрации он являлся представителем императора и пользовался его властью. Любимый министр Севера Плавтиан был первый префект, облеченный и злоупотреблявший этой громадной властью. Его владычество продолжалось около десяти лет, пока брак его дочери со старшим сыном императора, по-видимому долженствовавший упрочить его положение, не сделался причиной его гибели. Дворцовые интриги, раздражавшие честолюбие Плавтиана и внушавшие ему опасения, грозили взрывом революции; тогда Север, все еще любивший его, был вынужден согласиться на его казнь. После гибели Плавтиана многосторонние обязанности преторианского префекта были возложены на знаменитого законоведа Папиниана.

До Севера все добродетельные и даже просто здравомыслящие императоры отличались если не искренней преданностью, то наружным уважением к сенату, и относились с почтительной деликатностью к нежной ткани политических убеждений, введенных Августом. Но Север провел свою молодость в лагерях, где привык к безусловному повиновению, а в более зрелом возрасте в качестве военачальника освоил лишь деспотизм военной власти. Его надменный и непреклонный ум не мог понять или не хотел сознаться, что для него было бы выгодно поддерживать такую власть, которая могла бы быть посредницей между императором и армией, хотя бы она и была только воображаемой. Он не хотел унижаться до того, чтобы выдавать себя за покорного слугу такого собрания, которое ненавидело его и трепетало при малейшем выражении его неудовольствия; он давал приказания, когда простая просьба с его стороны имела бы точно такую же силу; он держал себя и выражался как властелин и победитель и открыто пользовался всеми правами как законодательной, так и исполнительной верховной власти.

Победа над сенатом была нетрудна и не доставляла никакой славы. Все внимание было устремлено на верховного сановника, который располагал военными силами государства и его казной и от которого зависели интересы каждого, тогда как сенат, не находивший для себя

опоры ни в народном избрании, ни в военной охране, ни в общественном мнении, пользовался лишь тенью власти, основанной на непрочном и расшатанном фундаменте старых привычек. Прекрасная теория республиканского правления постепенно улетучивалась, уступая место более натуральным и более насущным влечениям, находящим для себя удовлетворение при монархической форме правления. Так как свобода и права римских граждан сделались со временем достоянием жителей провинций, или вовсе незнакомых со старой системой управления, или вспоминаявших о ней с отвращением, то республиканские традиции постепенно предавались забвению. Греческие историки, писавшие в век Антонинов, с злорадством замечают, что хотя римские государи и не называли себя королями из уважения к устарелым предрассудкам, но тем не менее пользовались всеми prerogativaми королевской власти. В царствование Севера сенат наполнился образованными и красноречивыми уроженцами восточных провинций, объяснявшими свою льстивую покорность теоретическими принципами рабства. Когда эти новые защитники императорских prerogativ проповедовали обязанность пассивного повиновения и объясняли неизбежность пагубных последствий свободы, при дворе их слушали с удовольствием, а среди народа с терпением. Законоведы и историки также поучали, что верховная власть не была вверена сенатом на время, а была безвозвратно передана императору, что император не обязан стесняться законами, что жизнь и имущество его подданных находятся в его безотчетной власти и что он может располагать империей как своей частной собственностью. Самые знаменитые законоведы, и в особенности Папиниан, Павл и Ульпиан, процветали при императорах из рода Севера, а римская юриспруденция, вступившая в тесную связь с монархической системой, как полагают, достигла в этот период времени своего полного развития и совершенства.

Современники Севера, наслаждавшиеся спокойствием и славой его царствования, простили ему те жестокости, путем которых он доставил им эти блага. Но потомство, познакомившееся на опыте с пагубными последствиями его принципов и указанного им примера, основательно считало его главным виновником упадка Римской империи.

И распутная тирания Коммода, и внутренние раздоры, вызванные его смертью, и новые принципы управления, установленные государами из дома Севера, – все способствовало усилению опасного могущества армии и уничтожению еще не совсем изгладившихся в душе римлян слабых следов уважения к законам и к свободе. Мы постарались с возможной последовательностью и ясностью объяснить причины этой внутренней перемены, расшатавшей коренные основы империи. Личный характер императоров, их победы, законы, безрассудства и судьба могут интересовать нас только в той мере, в какой они находятся в связи с общей историей упадка и разрушения монархии. Но, несмотря на то что все наше внимание сосредоточено на этом важном предмете, мы не можем пройти мимо чрезвычайно важного эдикта Антонина Каракаллы, предоставлявшего всем свободным жителям империи название и привилегии римских граждан. Впрочем, эта безмерная щедрость не была внушена великодушием, а была результатом гнусной алчности; чтобы убедиться в этом, необходимо сделать краткий обзор состояния римских финансов с блестящих времен республики до царствования Александра Севера.

С тех пор как Ромул с небольшой кучкой пастухов и разбойников укрепился на холмах подле Тибра, уже прошло десять столетий. В течение первых четырех столетий римляне приобрели в школе труда и бедности способность к войне и к управлению; благодаря энергическому применению этих способностей к делу и при помощи счастья, они в течение следующих трех столетий достигли абсолютного господства над многими странами Европы, Азии и Африки. Остальные триста лет протекли среди внешнего благоденствия и внутреннего разложения. Нация, состоявшая из солдат, должностных лиц и законодателей, делившаяся на тридцать пять триб, исчезла в общей массе человеческого рода и смешалась с миллионами раболепных провинциалов, получивших право называться римлянами, но несколько не про-

никнувших духом этого народа. Продажная армия, набранная из подданных и пограничных варваров, представляла единственный класс людей, сохранивший свою самостоятельность и употреблявший ее во зло. Благодаря ее мятежным избраниям сириец, гот или араб возводился на римский престол и получал деспотическую власть и над завоеваниями Сципионов, и над их родиной.

Границы Римской империи все еще простирались от Западного океана до Тигра и от гор Атласа до Рейна и Дуная. В глазах толпы Филипп был такой же могущественный монарх, как Адриан или Август. Форма была все та же, но в ней уже не было прежнего здоровья и энергии. Длинный ряд угнетений ослабил в народе дух предприимчивости и истощил его силы. После того как исчезли всякие другие добродетели, дисциплина легионов была единственной опорой государственного величия; но и она была поколеблена честолюбием или ослаблена малодушием императоров. Безопасность границ, которую обеспечивали не столько укрепления, сколько воинские доблести, постепенно сделалась ненадежной, и самые лучшие провинции сделались жертвой алчности или честолюбия варваров, скоро приметивших упадок римского могущества.

От Столетних игр, отпразднованных Филиппом (в 248 г.), до смерти императора Галлиена прошло двадцать лет, полных позора и бедствий. В течение этого злосчастливого периода каждая минута приносила с собой новую беду, и каждая провинция страдала от вторжения варваров и от деспотизма военных тиранов, так что разоренная империя, казалось, была близка к моменту своего окончательного распада. Как царившая в ту пору безурядица, так и бедность исторических сведений ставят в затруднение историка, который желал бы придать своему рассказу ясность и последовательность. Имея под рукой лишь отрывочные сведения, всегда краткие, нередко сомнительные, а иногда и противоречащие одно другому, он вынужден делать между ними выбор, сравнивать их между собой и высказывать догадки; но хотя он и не должен был бы ставить эти догадки в один ряд с достоверными фактами, однако, зная, какое влияние производят разнузданные страсти на человеческую натуру, он в некоторых случаях может восполнять недостатки исторического материала.

В то время как Деций боролся с настигшей его грозой, его ум, остававшийся спокойным и осмотрительным среди военных тревог, доискивался общих причин, так сильно поколебавших могущество Рима со времен Антонинов. Он скоро убедился, что нет возможности восстановить это могущество на прочном фундаменте, не восстановив общественных добродетелей, старинных принципов и нравов и уважения к законам. Чтобы исполнить эту благородную, но трудную задачу, он решился прежде всего восстановить устарелую должность цензора, — ту должность, которая так много содействовала прочности государства, пока она сохраняла свою первобытную чистоту, но которую Цезари противозаконно себе присвоили и затем постепенно довели до всеобщего пренебрежения. Будучи убежден, что личное расположение государя может облекать властью, но что одно только общее уважение может придавать этой власти авторитет, он предоставил назначение цензора беспристрастному выбору сената. Единогласным решением сенаторы признали, что всех достойнее этого высокого отличия Валериан, — тот самый, который был впоследствии императором, а в ту пору с отличием служил в армии Деция. Лишь только император получил уведомление об этом избрании, он собрал в своем лагере верховный совет и, прежде чем утвердить избранного цензора в его звании, объяснил ему трудности и важное значение его высоких обязанностей. «Счастливей Валериан, — сказал монарх, обращаясь к своему знаменитому подданному, — вы заслужили общее одобрение сената и Римской республики! Примите цензорство над человеческим родом и будьте судьей над нашими нравами. Вы укажете тех, которые достойны оставаться членами сената, вы возвратите сословию всадников его прежний блеск, вы увеличите государственные доходы, стараясь вместе с тем уменьшить тяжесть налогов. Вы разделите разнородную и громадную массу граждан на правильные разряды и тщательно вникнете во все, что имеет связь с военным могуществом

Рима, с его богатством, добродетелями и денежными средствами. Ваши решения будут иметь силу законов. И армия, и дворец, и органы правосудия, и высшие должностные лица империи – все будет подчинено вашему трибуналу. Никто не будет исключен, кроме обыкновенных консулов, городского префекта, верховного жреца и старшей из девственных весталок (пока она сохраняет свою девственность). И эти немногие, хотя и не будут опасаться строгости римского цензора, будут старательно искать его уважения».

Должностное лицо, облеченное столь широкими полномочиями, по-видимому, походило не столько на министра своего государя, сколько на его сотоварища. Валериан основательно опасался назначения, которое могло навлечь на него столько зависти и подозрений. Он отвечал, скромно указывая на чрезмерно широкие полномочия, на свою собственную неспособность и на неизлечимую испорченность нравов того времени. Он ловко намекнул на то, что звание цензора нераздельно с императорским достоинством и что слабые силы подданного не в состоянии выносить такое громадное бремя забот и власти. Военные события скоро положили конец попытке осуществить проект, столь благовидный, но вместе с тем неисполнимый, и, предохранив Валериана от опасности, избавили императора Деция от разочарования, которое, вероятно, было бы результатом его усилий. Цензор может поддержать чистоту нравов, но не в силах восстановить ее. Такое должностное лицо может употреблять в дело свою власть с пользой для общества или даже с каким-либо успехом только в том случае, если оно найдет для себя опору в сердцах граждан, проникнутых чувствами чести и добродетели, в надлежащем уважении к общественному мнению и во множестве полезных предрассудков, поддерживающих национальные нравы. В такое время, когда эти принципы уничтожены, цензорская юрисдикция неизбежно должна или снизойти до исполнения пустых формальностей, или превратиться в пристрастное орудие угнетения и деспотизма. Легче было победить готов, нежели искоренить общественные пороки, однако даже в первом из этих предприятий Деций лишился и своей армии, и своей жизни.

Валериан, руководствуясь лишь чувством отцовской привязанности или тщеславием, немедленно разделил верховную власть со своим сыном Галлиеном – молодым человеком, до тех пор скрывавшим свои порочные наклонности во мраке частной жизни. Совместное управление отца и сына продолжалось около семи лет, а управление одного Галлиена около восьми. Но весь этот период времени был непрерывным рядом беспорядков и общественных бедствий. Так как Римская империя в одно и то же время подвергалась со всех сторон яростным нападениям внешних врагов и страдала от честолюбивых покушений внутренних узурпаторов, то мы ради правильности и последовательности повествования будем придерживаться в распределении исторических событий не порядка времени, а более натуральной группировки по сюжетам. Самыми опасными врагами Рима в царствования Валериана и Галлиена были франки, алеманны, готы и персы.

Тридцать тиранов

Нет ничего удивительного в том, что когда бразды правления находились в таких слабых руках, в провинциях появлялось множество узурпаторов, не признававших над собой власти Валерианова сына. Число их доводится в «Истории эпохи Цезарей» до знаменитого числа тридцать, вероятно, из желания придать более интереса рассказу сопоставлением тридцати римских тиранов с тридцатью афинскими. Но такое сравнение во всех отношениях произвольно и неосновательно. Разве можно найти какое-нибудь сходство между советом из тридцати членов, соединившихся между собой для того, чтобы угнетать один только город, и неопределенным числом самостоятельных честолюбцев, то возвышавшихся, то погибавших без всякой правильной преемственности на обширном пространстве громадной империи? И даже чтобы достигнуть цифры тридцать, пришлось бы включить в число тиранов тех женщин и детей, которые

были удостоены императорского титула. В царствование Галлиена, как оно ни было богато внутренними смутами, было только девятнадцать претендентов на престол: Кириад, Макриан, Балиста, Оденат и Зенобия на Востоке; Постумий, Лоллиан, Викторин и его мать Виктория, Марий и Тетрик в Галлии и в западных провинциях; Ингенуй, Регалиан и Авреол в Иллирии и на дунайской границе, Сатурнин в Понте, Требеллиан в Исаурии, Пизон в Фессалии, Валент в Ахайи, Эмилиан в Египте и Цельс в Африке. Если бы мы захотели изложить малоизвестные подробности о жизни и смерти каждого из этих претендентов, мы взяли бы на себя тяжелый труд, который не доставил бы нам ни пользы, ни удовольствия. Поэтому мы ограничимся изложением тех характеристических особенностей, которые всего ярче обрисовывают условия того времени, а также нравы узурпаторов, их притязания, их мотивы, их судьбу и пагубные последствия их узурпации.

Отвратительное название «тиран», как известно, нередко употреблялось в древности для обозначения противозаконного захвата верховной власти, но под ним вовсе не подразумевалось злоупотребление этой властью. Многие из претендентов, поднявших знамя бунта против императора Галлиена, были блестящими образцами добродетели, и почти все они обладали в значительной мере и энергией, и талантами. Благодаря своим личным достоинствам они приобрели расположение Валериана и благодаря тем же достоинствам возвысились до самых важных должностей в империи. Генералы, принявшие титул Августа, или приобрели уважение своих войск искусными распоряжениями и строгой дисциплиной, или действовали на их воображение храбростью и военными успехами, или были любимы за свою щедрость и великодушие. Их нередко провозглашали императорами на том самом поле сражения, на котором была одержана победа, и даже самый ничтожный из всех этих кандидатов на престол, оружейный мастер Марий, отличался неустрашимой храбростью, необычайной физической силой и грубой честностью. Только что покинутое им низкое ремесло, правда, придавало его избранию вид чего-то смешного и странного, но его происхождение не могло быть более низко, чем происхождение большей части его соперников, которые родились в крестьянском звании и поступили в армию простыми солдатами. В эпохи внутренних неурядиц всякий деятельный ум находит для себя то место, которое указано ему самой природой, а среди смут, порождаемых всеобщей войной, военные заслуги есть тот путь, который ведет к славе и могуществу. Из девятнадцати тиранов только один Тетрик был сенатором, и только один Пизон был знатного происхождения. Кровь Нумы текла через двадцать восемь последовательных поколений, в жилах Кальпурния Пизона, который, будучи связан родством с самыми знатными родами путем брачных союзов, имел право украшать свой дом изображениями Красса и великого Помпея. Его предки неоднократно удостаивались всех тех отличий, какие могла дать республика, и из всех древних римских родов только род Кальпурниев пережил тиранию Цезарей. Личные качества Пизона придавали новый блеск его роду. Узурпатор Валент, по приказанию которого он был лишен жизни, признавался с глубоким раскаянием в душе, что даже враг должен был бы уважать святость Пизона, и несмотря на то, что он умер, сражаясь против Галлиена, сенат с великодушного разрешения императора декретировал триумфальные почести в память столь добродетельного мятежника.

Наместники Валериана, искренно привязанные к отцу, которого они уважали, не хотели служить его недостойному сыну, проводившему время в праздной роскоши. Так как власть римских императоров не имела опоры в чувстве династической преданности, то измену такому недостойному монарху можно было в некоторой мере оправдывать патриотизмом. Однако, если мы внимательно рассмотрим поведение этих узурпаторов, мы найдем, что они были вовлечены в мятежи не столько своим честолюбием, сколько страхом. Они боялись подозрительности и жестокости Галлиена, но не менее боялись своенравия своих войск и их склонности к насилиям. Если опасная преданность армии необдуманно провозглашала их достойными престола, они были обречены на верную гибель; в таком случае даже благоразумие требовало,

чтобы они, не дожидаясь смерти от руки палача, присвоили себе хоть на короткое время верховную власть и попытались удержать ее в своих руках силой оружия. Когда эти жертвы солдатского насилия были против своей воли облечены в императорское достоинство, они нередко втайне скорбели об ожидавшей их участи. «Вы лишились, – сказал Сатурнин в день своего провозглашения императором, – полезного начальника и сделали из меня очень жалкого императора».

Опасения Сатурнина оправдывались результатами происходивших на его глазах восстаний. Из девятнадцати тиранов, поднявших знамя бунта в царствование Галлиена, ни один не наслаждался спокойной жизнью и ни один не умер естественной смертью. Лишь только они были облечены в обгащенную кровью императорскую мантию, они внушали своим приверженцам точно такие же опасения и такие же честолюбивые надежды, какие послужили мотивом для их собственного восстания. Окруженные домашними заговорами, военными бунтами и междоусобной войной, они с трепетом едва удерживались на краю той пропасти, в которую неизбежно должны были пасть после более или менее продолжительных тревог. Хотя армии и провинции, повиновавшиеся этим недолговечным императорам, воздавали им все должные почести, их основанные на мятеже права никогда не получали законной санкции и не заносились на страницы истории. Италия, Рим и сенат постоянно стояли за Галлиена, так как он один считался повелителем империи. Впрочем, этот государь признал военные заслуги Одената, который был достоин этого почетного отличия, потому что всегда относился с уважением к сыну Валериана. С общего одобрения римлян и с согласия Галлиена сенат дал храброму пальмирку титул Августа и этим как бы закрепил за ним управление восточными провинциями, которыми он и без того уже заведовал с такой самостоятельностью, что передал их как частную собственность по завещанию своей знаменитой жене Зенобии. Такие быстрые и беспрестанно возобновлявшиеся переходы от хижины к престолу, а от престола к могиле могли бы казаться забавными для равнодушного философа, если бы только философ мог оставаться равнодушным при виде общих бедствий человеческого рода. И избрание этих недолговечных императоров, и их владычество, и их смерть оказывались одинаково пагубными и для их подданных, и для их приверженцев. В награду за свое возвышение они немедленно выдавали войскам громадные денежные суммы, которые вымогались из кармана и без того уже истощенного народа. Как бы ни был благороден их характер, как бы ни были чисты их намерения, они не могли избежать печальной необходимости поддерживать свою узурпацию беспрестанными актами хищничества и жестокости. Когда они гибли, они вовлекали в свою гибель и армии, и провинции. До нас дошел варварский указ, посланный Галлиеном к одному из его министров после падения Ингенуя, провозгласившего себя императором в Иллирии. «Недостаточно, – писал этот изнеженный, но бесчеловечный государь, – чтобы вы истребляли тех, кто выступал с оружием в руках; случайности войны могли бы доставить мне такую же выгоду. Мужское население всякого возраста должно быть вырвано с корнем с тем только условием, что, подвергая смертной казни детей и стариков, вы должны найти средства, чтобы спасти нашу репутацию. Пусть умирает всякий, кто проронил хоть одно слово, кто возымел хоть какую-нибудь мысль против меня, – против меня, сына Валериана, отца и брата стольких принцев. Не забывайте, что Ингенуй был сделан императором; терзайте, убивайте, рвите на куски. Я пишу вам собственноручно и желал бы внушить вам мои собственные чувства». В то время как военные силы государства бесполезно расходовались на личные раздоры, беззащитные провинции были легкой добычей для всякого, кто хотел напасть на них. Самые храбрые из узурпаторов были вынуждаемы трудностями своего положения заключить с общим врагом унижительные мирные договоры, покупать нейтралитет или услуги варваров обременительными для народа даними и вводить независимые и враждебные племена в самое сердце римской монархии.

Таковы были варвары, и таковы были тираны, которые в царствования Валериана и Галлиена расчленили провинции и довели империю до такого унижения и разорения, от которых,

казалось, она никогда не будет в состоянии поправиться. Мы постарались изложить главные события этого бедственного периода в порядке и с последовательностью, насколько это возможно при скудности исторического материала.

Бедствия римского населения

Человечество так привыкло считать свою судьбу тесно связанной с законами, управляющими Вселенной, что этому мрачному периоду истории приписывали разные наводнения, землетрясения, появления необыкновенных метеоритов, сверхъестественные затмения и массу вымышленных или преувеличенных чудес. Но продолжительный и всеобщий голод оказался серьезным бедствием. Он был неизбежным последствием хищничества и угнетений, которые уничтожали и находившиеся налицо земные продукты, и надежды на будущую жатву. Вслед за голодом почти всегда появляются эпидемические болезни, возникающие от недостаточности и недоброкачественности пищи. Впрочем, вероятно, были и другие причины, содействовавшие распространению страшной моровой язвы, которая свирепствовала без перерыва с 250 по 265 г. во всех римских провинциях, во всех городах и почти во всех семьях. В течение некоторого времени в Риме умирало ежедневно по пять тысяч человек, и многие города, спасшиеся от нашествия варваров, совершенно опустели. Нам достоверно известен один интересный факт, из которого можно извлечь некоторую пользу, когда приходится подводить итоги бедствиям человечества. В Александрии аккуратно велся список всех граждан, имевших право пользоваться даровой раздачей зернового хлеба. Оказывается, что прежнее число просителей в возрасте от сорока до семидесяти лет равнялось числу всех тех просителей в возрасте от четырнадцати до восьмидесяти лет, которые остались в живых после царствования Галлиена. Применяя этот достоверный факт к самым аккуратным спискам смертности, мы, очевидно, должны прийти к тому заключению, что в Александрии вымерло более половины ее населения; если же мы позволим себе судить по аналогии о том, что должно было происходить в других провинциях, то мы должны будем допустить, что войны, моровая язва и голод истребили в несколько лет половину человеческого рода.

Общий план этого сочинения не позволяет нам входить в подробное рассмотрение действий каждого императора после их вступления на престол и еще менее позволяет нам подробно описывать их жизнь за то время, когда они были еще частными людьми.

Поведение армии и сената после смерти Аврелиана. – Царствование Тацита, Проба, Кара и его сыновей. (275–285 гг.)

Глава 2 (XII)

Поведение армии и сената после смерти Аврелиана. – Царствование Тацита, Проба, Кара и его сыновей. (275–285 гг.)

Странный спор между армией и сенатом

Таково было несчастное положение римских императоров, что, каков бы ни был их образ действий, их участь всегда была одна и та же. Все равно, проводили ли они жизнь в наслаждениях или в трудах на пользу общества, все равно, были ли они взыскательны или снисходительны, беспечны или славны своими подвигами, – их всех одинаково ожидала преждевременная могила, и почти каждое царствование оканчивалось одной и той же отвратительной сценой измены и убийства. Впрочем, смерть Аврелиана особенно замечательна по своим необыкновенным последствиям. Легионы были глубоко преданы своему победоносному вождю; они скорбели о его смерти и отомстили за него. Обман коварного секретаря был открыт и наказан. Введенные в заблуждение заговорщики присутствовали на погребении своего оклеветанного государя с раскаянием, которое, по-видимому, было искренним, и подписались под единогласным решением военного сословия, выраженным в следующем послании: «Храбрые и счастливые армии к римскому сенату и народу. Преступление одного и заблуждение многих лишили нас покойного императора Аврелиана. Уважаемые отцы-сенаторы, благоволите причислить его к богам и назначьте ему такого преемника, который, по вашему мнению, достоин императорского звания! Ни один из тех, чья вина или заблуждение были причиной понесенной нами утраты, никогда не будет царствовать над нами». Римских сенаторов вовсе не удивило известие, что еще один император был убит в своем лагере; они втайне радовались падению Аврелиана; но когда в полном собрании сената консул сообщил им содержание скромного и почтительного послания легионов, они были приятно поражены. Памяти своего умершего государя они стали щедро расточать все почести, какие только мог вынудить от них страх, а может быть, и чувство уважения; вместе с тем они выразили самую искреннюю признательность верным армиям республики, обнаружившим столь правильный взгляд на легальный авторитет сената в вопросе о выборе императора. Однако, несмотря на столь лестное для сената приглашение, самые осторожные из его членов не захотели ставить свою безопасность и свое достоинство в зависимость от каприза вооруженной толпы. Конечно, сила легионов была залогом их искренности, так как тот, кто может повелевать, редко бывает доведен до необходимости притворяться; но разве можно было ожидать, что внезапное раскаяние уничтожит закоренелые восьмидесятилетние привычки? Если же солдаты снова вовлеклись бы в привычные для них мятежи, то их дерзость могла бы унижить достоинство сената и оказаться пагубной для предмета его выбора. Эти и другие подобные им мотивы заставили сенат издать декрет, в силу которого избрание нового императора предоставлялось военному сословию.

Возникшее отсюда препирательство представляет одно из самых достоверных и вместе с тем самых невероятных событий в истории человеческого рода. Войска, как будто пресытившиеся властью, которой они до тех пор пользовались, снова умоляли сенат возложить императорское звание на одного из его членов. Сенат упорствовал в своем отказе, а армия – в своем требовании. Обоюдное предложение было сделано и отвергнуто, по меньшей мере, три раза, а между тем, пока настойчивая скромность сената и армии непременно хотела получить повелителя от противной стороны, незаметно протекло восемь месяцев. Это был приводящий в изум-

ление период спокойной анархии, в течение которого римский мир оставался без монарха, без узурпаторов и без мятежей. Назначенные Аврелианом генералы и должностные лица по-прежнему исполняли свои обязанности, и проконсул Азии был единственным из высших сановников, удаленным от должности в течение всего междуцарствия.

Подобное, но гораздо менее достоверное событие, как полагают, случилось после смерти Ромула, который и по своей жизни, и по своему характеру имел некоторое сходство с Аврелианом. Престол оставался вакантным в течение двенадцати месяцев, пока не был избран сабинский философ, а тем временем общественное спокойствие охранялось благодаря точно такому же единодушию между различными государственными сословиями. Но во времена Нумы и Ромула авторитет патрициев сдерживал самовластие народа, а в маленькой и добродетельной республике было не трудно сохранять надлежащее равновесие между свободными учреждениями. А римское государство уже было не таким, каким было в своем детстве, и его упадок происходил при таких условиях, которые не позволяли ожидать от междуцарствия ни общей покорности, ни общего единодушия; такой покорности и единодушию препятствовали и громадность шумной столицы, и огромный объем империи, и рабоподобное равенство перед деспотизмом, и армия из четырехсот тысяч наемников, и привычки к беспрестанным переворотам. Однако несмотря на все эти источники беспорядка, воспоминание об Аврелиане и введенная им дисциплина сдерживали и мятежные наклонности войск, и пагубное честолюбие их вождей. Цвет легионов оставался в своем лагере на берегах Босфора, а развевавшееся над ними императорское знамя внушало страх менее сильным лагерям, расположенным в Риме и в провинциях. Военное сословие, по-видимому, было воодушевлено благородным, хотя и преходящим энтузиазмом, и следует полагать, что кучка истинных патриотов старалась поддержать возрождавшееся согласие между армией и сенатом как единственное средство возвратить республике ее прежнее величие и силу.

Консул созывает сенат

25 сентября, то есть почти через восемь месяцев после умерщвления Аврелиана, консул созвал сенат и обратил его внимание на шаткое и опасное положение империи. Он слегка намекнул на то, что ненадежная верность солдат может каждую минуту поколебаться, так как она зависит от разных случайностей, и с убедительным красноречием указывал на различные опасности, могущие возникнуть от дальнейшей отсрочки выбора императора. Уже получено известие, говорил он, что германцы перешли через Рейн и овладели несколькими из самых сильных и самых богатых городов Галлии. Честолюбие персидского монарха постоянно держит в страхе Восток; Египет, Африка и Иллирия легко могут сделаться жертвой внешних или внутренних честолюбцев, а легкомысленные сирийцы всегда готовы предпочесть святости римских законов даже царствование женщины. Затем консул обратился к старшему из сенаторов, Тациту, и просил его высказать свое мнение по важному вопросу о выборе достойного кандидата для замещения вакантного престола.

Если нам будет дозволено отдать предпочтение личным достоинствам пред тем величием, которое зависит от случайности, то мы должны будем признать происхождение Тацита более знатным, чем происхождение королей. Он вел свой род от того историка-философа, сочинения которого будут служить поучением для самых отдаленных поколений человеческого рода. Сенатору Тациту было в то время семьдесят пять лет. Его продолжительная, безупречная жизнь была украшена богатством и почестями. Он был два раза возведен в консульское звание и в пользовании своим большим состоянием в два или три миллиона фунтов стерлингов выказывал вкус и умеренность. Опытность, приобретенная им при стольких хороших и дурных императорах в промежуток времени, начинавшийся с безрассудных выходов Гелиогабала и кончавшийся полезной строгостью Аврелиана, научила его ясно понимать обя-

занности, опасности и искушения их высокого звания. А из тщательного изучения сочинений своего бессмертного предка он извлек знакомство с римской конституцией и с человеческой натурой. Голос народа уже указывал на Тацита как на такого гражданина, который всех более достоин императорского звания. Когда слух об этом дошел до его сведения, он из желания уклониться от такой чести, удалился в одну из своих вилл в Кампании. Проведя два месяца в приятном уединении в Байях, он подчинился требованию консула, пригласившего его снова занять свое почетное место в сенате и помочь своими советами республике в столь важном случае.

Он встал, чтобы говорить, когда со всех сторон сената раздались возгласы, приветствовавшие его именами Августа и императора. «Тацит Август, да сохраняют тебя боги! Мы избираем тебя нашим государем и вверяем твоим попечениям республику и весь мир. Прими верховную власть из рук сената. Тебе дают на нее право и твое высокое звание, и твое поведение, и твои нравы». Лишь только стих шум приветствий, Тацит попытался отклонить опасную честь и выразил свое удивление по поводу того, что в преемники воинственному и энергическому Аврелиану выбирают человека преклонных лет и удрученного немощами. «Разве эти ноги, отцы-сенаторы, способны выносить тяжесть вооружения или участвовать в лагерных военных упражнениях? Разнообразие климатов и лишения военной жизни скоро разрушат слабое здоровье, которое поддерживается только самым внимательным уходом. Мои ослабевшие силы едва ли достаточны для исполнения моих сенаторских обязанностей; насколько же они окажутся недостаточными для тяжелых трудов, требуемых войной и государственным управлением? Неужели вы надеетесь, что легионы будут уважать слабого старика, жизнь которого протекала в спокойствии и уединении, неужели вы желаете, чтобы я сожалел о благоприятном для меня мнении сената?»

Отказ Тацита, вероятно, вполне искренний, вызвал со стороны сенаторов настойчивые изъявления преданности. Пятьсот голосов одновременно повторяли среди общего шума, что величайшие римские монархи Нума, Траян, Адриан и Антонины вступили на престол в преклонных летах, что сенаторы выбирали ум, а не физическую силу, монарха, а не солдата, и что они ожидают от него только одного – чтобы его мудрость руководила храбростью легионов. Эти настоятельные и шумные просьбы были поддержаны более правильным изложением общих желаний в речи, которую произнес Меций Фалконий, занимавший после Тацита первое место на скамье консуляров. Он напомнил сенату о тех бедствиях, в которые вовлекали Рим пороки безрассудных и своенравных юношей, поздравил его с избранием добродетельного и опытного сенатора и затем со смелой развязностью, которая, быть может, была результатом личных расчетов, увещевал Тацита припомнить причины своего избрания и найти себе преемника не в своем собственном семействе, а в республике. Речь Фалкония вызвала общее одобрение. Тогда вновь избранный император подчинился желанию своего отечества и принял от своих бывших сотоварищей добровольные уверения в подданнической преданности. Выбор сената был утвержден римским народом и преторианской гвардией.

Управление Тацита соответствовало всей его жизни и его принципам. Он был признательным слугой сената и считал это национальное собрание источником законов, а самого себя их исполнителем. Он старался залечить раны, нанесенные конституции гордостью императоров, внутренними раздорами и солдатскими насилиями, и воскресить хотя бы подобие древней республики в том виде, как оно поддерживалось политикой Августа и добродетелями Траяна и Антонинов. Считаем не лишним перечислить самые важные права, которые, как кажется, были возвращены сенату вследствие избрания Тацита:

1. Возлагать на одного из своих членов вместе с титулом императора главное начальство над армиями и управление пограничными провинциями.
2. Устанавливать список, или, как тогда выражались, коллегия консулов. Всех консулов было двенадцать, и они попарно исполняли консульские обязанности в течение двух месяцев

и поддерживали достоинство этого древнего звания. Сенат пользовался при избрании консулов такой независимостью и свободой, что не уважил неосновательной просьбы императора о своем брате Флориане. «Сенат, – воскликнул Тацит с честной радостью патриота, – хорошо знает характер избранного им государя».

3. Назначать проконсулов и президентов провинций и возлагать на всех должностных лиц их гражданскую юрисдикцию.

4. Принимать через посредство городского префекта апелляции от всех трибуналов империи.

5. Придавать своими декретами силу закона тем императорским эдиктам, которые им одобрены.

6. К этим различным отраслям власти мы можем прибавить некоторые права по надзору за финансовым управлением, так как даже в царствование строгого Аврелиана сенаторы нашли возможность похитить некоторую часть доходов, которые должны были идти на удовлетворение государственных нужд.

Всем главным городам империи – Триру, Милану, Аквилее, Фессалонике, Коринфу, Афинам, Антиохии, Александрии и Карфагену – были посланы письма с требованием их покорности и с уведомлением о счастливом перевороте, возвратившем римскому сенату его прежнее значение. Два из этих посланий дошли до нас. Мы также имеем два интересных отрывка из частной корреспонденции сенаторов по этому случаю. В них видна чрезвычайная радость и проглядывают самые безграничные надежды. «Отбросьте вашу лень, – пишет один сенатор своему приятелю, – откажитесь от вашей уединенной жизни в Байях или в Путеоли. Живите в городе, посещайте сенат. Рим расцвел, и вся республика расцвела. Благодаря римской армии, которая поистине римская, мы наконец восстановили наш законный авторитет и тем достигли цели всех наших желаний. Мы здесь отправляем правосудие, назначаем проконсулов, создаем императоров; может быть, нам удастся даже ограничить их власть, – впрочем, умному человеку достаточно и легкого намека». Но в этих блестящих ожиданиях пришлось разочароваться, да и нельзя было ожидать, чтобы армии и провинции долгое время повиновались изнеженной и вовсе не воинственной римской аристократии. Это непрочное здание ее гордости и могущества не имело фундамента и развалилось при самом легком к нему прикосновении. Издыхавший сенат внезапно ожил, на минуту засиял необыкновенным блеском и затем навсегда испустил дух.

Все, что до сих пор совершилось в Риме, было бы не более как театральным представлением, если бы не было одобрено более существенным авторитетом легионов. Предоставив сенаторам вволю предаваться их мечтам о свободе и честолюбии, Тацит отправился во фракийский лагерь и был представлен преторианским префектом собравшимся войскам как тот самый государь, которого они сами просили у сената и которого сенат им даровал. Лишь только префект умолк, император сам обратился к солдатам с речью, которая была красноречива и пристойна. Он удовлетворил их алчность щедрой раздачей денег под видом жалованья и подарков. Он также сумел внушить им уважение своим благородным заявлением, что хотя его преклонные лета не позволяют ему подавать им пример воинской доблести, его советы всегда будут достойны римского военачальника, который заменил храброго Аврелиана.

В то время как покойный император готовился к второй экспедиции на Восток, он вступил в переговоры со скифским народом – аланами, раскинувшими свои палатки неподалеку от Меотийского залива. Эти варвары прельстились обещанием подарков и субсидий и обещали вторгнуться в Персию с многочисленным отрядом легкой кавалерии. Они сдержали слово, но, когда они прибыли к римской границе, Аврелиана уже не было в живых, война с Персией была, по меньшей мере, отложена на неопределенное время, а генералы, пользовавшиеся во время междуцарствия весьма непрочным авторитетом, не приготовились ни принять их, как следовало, ни отразить их. Оскорбленные таким образом действий, в котором они видели насмешку

и коварство, аланы решили отомстить за эту обиду и добыть оружием ту плату, в которой им отказывали; а так как они двигались с обычной между татарами быстротой, то скоро проникли в провинции Понт, Каппадокию, Киликию и Галатию. Легионы, которые с противоположных берегов Босфора почти могли видеть пламя горевших городов и селений, настоятельно просили своего главнокомандующего, чтобы он повел их против неприятеля. Тацит поступил так, как и следовало при его летах и в его положении. Он доказал варварам как добросовестность, так и могущество империи. Значительная часть аланов удовлетворилась точным исполнением обещаний, данных им Аврелианом, отдала назад добычу и пленных и спокойно удалилась в свои степи по ту сторону Фасиса. А против тех из них, которые отказались от мирного соглашения, император предпринял успешный поход. Имея в своем распоряжении храбрых и опытных ветеранов, он в несколько недель избавил азиатские провинции от ужасов скифского нашествия.

Но слава и жизнь Тацита были недолговечны. Когда ему пришлось переселиться среди зимы из мягкого климата Кампании к подножию Кавказских гор, ему оказались не по силам непривычные для него лишения военной жизни. Физическая усталость усиливалась от душевных тревог. Влечение к гражданским доблестям лишь на короткое время заглушило в солдатах их страсти и себялюбие, которые скоро проявились наружу с удвоенной силой и не только в лагере, но даже и в палатке престарелого императора. Кротость и приветливость Тацита не возбуждали ничего, кроме презрения, и его постоянно мучили внутренними раздорами, которых он не был в состоянии укротить, и требованиями, которых не было возможности удовлетворить. Он скоро убедился, что напрасно обманывал себя надеждой положить конец общественной неурядице и что своеволие армии нисколько не стеснялось бессильными требованиями закона. Душевные страдания и разочарования ускорили приближение смерти. Неизвестно с достоверностью, омочили ли солдаты свои руки в крови этого ни в чем не виновного государя, но положительно известно, что их наглость была причиной его смерти. Он испустил дух в Тиане, в Каппадокии, после царствования, продолжавшегося всего шесть месяцев и почти двадцать дней.

Лишь только Тацит навеки закрыл глаза, его брат Флориан, не дожидаясь согласия сената, захватил верховную власть, доказывая этой поспешностью, что он не был достоин ее. Уважение к римской конституции было еще достаточно сильно и в армии, и в провинциях, чтобы вызвать неодобрение торопливости Флориана, но оно не было достаточно сильно, чтобы вызвать сопротивление. Общее неудовольствие, вероятно, ограничилось бы бессильным ропотом, если бы командовавший на Востоке храбрый генерал Проб не взялся отомстить за неуважение к сенату. Впрочем, силы двух соперников, по-видимому, были неравны: даже самый способный генерал, находясь во главе изнеженных египетских и сирийских войск, едва ли мог рассчитывать на успех в борьбе с непобедимыми европейскими легионами, стоявшими на стороне Тацитова брата. Но счастье и предприимчивость Проба восторжествовали над всеми препятствиями. Отважные ветераны его противника, привыкшие к холодному климату, заболели и умирали от душной жары в Киликии, где лето было в том году особенно вредно для здоровья. Их число постоянно уменьшалось от частых побегов; горные проходы были слабо защищены; Тарс отворил свои ворота перед Пробом; тогда солдаты Флориана, дозволившие ему пользоваться императорским титулом около трех месяцев, избавили империю от междоусобной войны, охотно пожертвовав таким государем, которого они презирали.

Беспрестанные смены императоров до такой степени искоренили всякую мысль о наследственных правах на престол, что родственники погибшего императора не возбудили в его преемниках ни малейших опасений. Оттого-то детям Тацита и Флориана и было дозволено жить частными людьми и смешаться с общей массой подданных. К тому же их бедность служила добавочной охраной их невинности. Когда Тацит был избран сенатом в императоры, он отдал все свое огромное состояние в государственную казну; по-видимому, это был акт великодушия,

но под ним скрывалось намерение передать верховную власть потомству. Единственным утешением для его обедневших родственников служило воспоминание об их мимолетном величии и основанная на каком-то предсказании надежда, что по прошествии тысячи лет взойдет на престол император из рода Тацита, который будет покровителем сената, восстановит могущество Рима и завоюет весь мир.

Иллирийские крестьяне, уже давшие разрушавшейся империи таких императоров, как Клавдий и Аврелиан, приобрели новое право на всемирную известность вследствие возвышения Проба. Лет с лишком за двадцать перед тем император Валериан со своей обычной прозорливостью заметил особые дарования в этом молодом солдате и произвел его в трибуны, несмотря на то, что он еще далеко не достиг того возраста, который требовался для этой должности военными уставами. Трибун скоро оправдал это отличие тем, что одержал победу над многочисленным отрядом сарматов и спас в этом сражении жизнь одного из близких родственников Валериана; за это он получил из рук императора ожерелье, браслет, копье, знамя, венки, стеной и гражданский, и все те почетные отличия, которыми награждал Древний Рим за удачу и храбрость. Проб получил командование сначала третьим, а потом десятым легионом и при каждом новом повышении доказывал, что он способен занимать еще более высокие должности. Африка и Понт, Рейн, Дунай, Евфрат и Нил поочередно доставляли ему случай выказать самым блестящим образом свое личное мужество и свои воинские дарования. Аврелиан был обязан ему завоеванием Египта и еще более обязан тем, что он с честным бесстрашием нередко сдерживал жестокость своего повелителя. Тацит, желая восполнить недостававшие ему самому военные дарования талантами своих генералов, поручил Пробу главное начальство над всеми восточными провинциями, увеличил его жалованье в пять раз, обещал ему консульство и дал ему право рассчитывать на почести триумфа. Когда Проб вступил на престол, ему было около сорока четырех лет; он пользовался в ту пору заслуженной славой, любовью армии и достигшими полной зрелости умственными и физическими силами.

Благодаря всеми признанным личным достоинствам и благодаря успеху военных действий против Флориана, он не имел ни врагов, ни соперников. Однако, если верить его собственным словам, он вовсе не желал верховной власти и принял ее с самым непритворным отвращением. «Но теперь уже не в моей власти, – говорил Проб в одном частном письме, – отказаться от титула, который навлечет на меня зависть и опасности: я вынужден исполнять ту роль, которую возложили на меня солдаты». Его почтительное послание к сенату было полно таких чувств или, по меньшей мере, таких выражений, какие приличны римскому патриоту: «Отцы-сенаторы! Когда вы выбрали одного из членов вашего сословия в преемники императору Аврелиану, вы поступили согласно с вашей справедливостью и мудростью, так как вы законные повелители мира, и власть, которую вы получили от ваших предков, перейдет к вашему потомству. То было бы большое счастье, если бы Флориан, вместо того чтобы незаконно присвоить себе, точно частное наследство, звание своего брата, дождался вашего верховного решения или в его пользу, или в пользу кого-либо другого. Благоразумные солдаты наказали его за эту опрометчивость. Мне предложили они титул Августа. Но я предоставляю на ваше милостивое усмотрение и мои притязания, и мои заслуги». Когда это почтительное послание было прочитано консулом, сенаторы не были в состоянии скрыть своего удовольствия по поводу того, что Проб снизошел до такой униженной просьбы о скипетре, который уже находился в его руках. Они стали превозносить с самой горячей признательностью его добродетели, военные подвиги и главным образом его скромность. Немедленно был издан без протеста с чьей-либо стороны декрет, который утверждал выбор восточных армий и возлагал на их вождя все различные атрибуты императорского достоинства: имена Цезаря и Августа, титул отца отечества, право делать в один и тот же день три предложения сенату, звание верховного первосвященника, трибунскую власть и проконсульскую власть. Эта форма инвеституры хотя, по-видимому, и увеличивала объем императорской власти, в сущности была выражением

конституции древней республики. Царствование Проба соответствовало этому прекрасному началу. Сенаторам было предоставлено заведывание делами гражданского управления. Их верный генерал поддерживал честь римского оружия и нередко клал к их стопам плоды своих многочисленных побед – золотые короны и отнятые у варваров трофеи. Однако в то время как он льстил их тщеславию, он не мог не чувствовать втайне презрения к их беспечности и бессилию. Хотя они могли, когда только им вздумается, отменить унижительный для них эдикт Галлиена, эти гордые потомки Сципионов спокойно выносили свое исключение из всех военных должностей. Но их сыновья узнали на опыте, что тот, кто отказывается от меча, должен отказаться и от скипетра.

Победы Проба над варварами

Военное могущество Аврелиана повсюду восторжествовало над врагами Рима, но после его смерти их ярость и даже их число как будто увеличились. Они были снова побеждены деятельным и энергичным Пробом, который в свое короткое царствование, продолжавшееся около шести лет, сравнялся славой с древними героями и восстановил спокойствие и порядок во всех римских провинциях. Границы Реции он так хорошо оградил, что покинул их без малейшего опасения новых варварских нашествий. Он рассеял бродячие шайки сарматов и навел на этих варваров такой страх, что они возвратили награбленную добычу. Готская нация искала союза с таким воинственным императором. Он напал на исавров в их горных убежищах, осадил и взял некоторые из их самых сильных укрепленных замков и льстил себя надеждой, что он навсегда уничтожил внутреннего врага, независимость которого была таким глубоким оскорблением для величия империи. Смуты, возбужденные в Верхнем Египте узурпатором Фирмом, еще не были совершенно прекращены, а города Птолемаида и Коптос, опиравшиеся на союз с блеммиями, все еще были в восстании. Наказание этих городов и помогавших им южных дикарей, как утверждают, встревожило персидское правительство, и великий король тщетно искал дружбы с Пробом. Многие из военных предприятий, ознаменовавших царствование этого императора, были окончены с успехом благодаря его личной храбрости и опытности, так что историк, описавший его жизнь, удивляется, как мог один человек в столь короткое время вести столько войн на таких громадных расстояниях. Некоторые менее важные экспедиции он поручал своим генералам, благоразумный выбор которых составляет немалую долю его славы. Кар, Диоклетиан, Максимиан, Констанций, Галерий, Асклепиодат, Ганнибалиан и множество других генералов, впоследствии или занимавших императорский престол, или служивших ему подпорой, изучали военное ремесло в суровой школе Аврелиана и Проба.

Но самой важной из всех услуг, оказанных Пробом республике, было освобождение Галлии и взятие семидесяти цветущих городов, которые находились во власти германских варваров, безнаказанно опустошавших эту обширную провинцию после смерти Аврелиана. В этой разнохарактерной массе свирепых опустошителей мы можем с некоторой ясностью различить три большие армии или, скорее, три большие нации, которые были одна вслед за другой побеждены храбрым Пробом. Он прогнал франков назад в их болота, из чего мы можем заключить, что конфедерация, известная под благородным названием вольных людей, уже занимала в то время плоскую приморскую страну, пересекаемую и почти затопляемую стоячими водами Рейна и что к этому союзу примкнули некоторые племена фризов и батавов. Он победил бургундов – значительное племя вандальской расы. Они бродили в поисках добычи от берегов Одера до берегов Сены. Они считали себя счастливыми тем, что возвратом награбленного могли купить себе позволение беспрепятственно отступить. Они попытались уклониться от исполнения этой статьи договора, и наказание их было немедленно и ужасно. Но из всех опустошителей Галлии самыми грозными были лигии – народ, владевший обширными землями на границах Польши и Силезии. В лигийской нации арии занимали первое место по своей много-

численности и свирепости. «Арии (как они описаны энергическим слогом Тацита) стараются с помощью разных ухищрений усилить ужас, внушаемый их варварством. У них щиты черного цвета, а их тела также выкрашены в черный цвет. Они выбирают для сражения самый темный час ночи. Когда их войско выступает на бой, оно будто покрыто похоронным покрывалом, и они редко находят такого врага, который способен устоять против такого странного и адского зрелища, так как в битве прежде всего бывают побеждены глаза». Однако оружие и дисциплина римлян без большого труда рассеяли эти страшные призраки. Лигии были разбиты в генеральном сражении, а самый знаменитый из их вождей Семно попал живым в руки Проба. Этот благоразумный император, не желая доводить храбрый народ до отчаяния, согласился на почетные для них условия капитуляции и позволил им безопасно возвратиться на родину. Но потери, понесенные ими во время похода, в битве и во время отступления, до того ослабили их, что имя лигиев уже более не упоминается ни в истории Германии, ни в истории Римской империи. Рассказывают, что освобождение Галлии стоило жизни четыремстам тысячам варваров; если это правда, то римлянам пришлось много поработать, а императору пришлось издержать много денег, потому что он платил по золотой монете за каждую голову варвара. Но так как слава полководцев основана на истреблении человеческого рода, то весьма естественно, что в нас зарождается подозрение, не была ли эта цифра преувеличена жадностью солдат, и не была ли она принята без строгой проверки щедрым и тщеславным Пробом.

Со времени экспедиции Максимиана римские генералы ограничивали свое честолюбие оборонительной войной против германских народов, постоянно придвигавшихся к границам империи. Более смелый Проб, пользуясь одержанными в Галлии победами, перешел через Рейн и водрузил свои победоносные орлы на берегах Эльбы и Неккара. Он был вполне убежден, что варвары не будут расположены жить в мире с римлянами до тех пор, пока не испытают бедствий войны на своей собственной стране. Германия, истощившая свои силы вследствие неудачного исхода последнего нашествия, была поражена его появлением. Девять самых значительных германских князей явились в его лагерь и пали к его стопам. Они смиренно приняли все мирные условия, каких пожелал победитель. Он потребовал аккуратного возвращения всей добычи и всех пленников, забранных ими в провинциях, и заставил их собственных судей подвергать наказанию непокорных грабителей, пытавшихся удержать в своих руках какую бы то ни было часть добычи. Значительных размеров дань, состоявшая из зернового хлеба, рогатого скота и лошадей, – единственного богатства, которым обладали варвары, – была назначена на содержание гарнизонов, которые были поставлены Пробом на границах их территории. Он даже питал надежду, что заставит германцев отказаться от употребления оружия, предоставить свои споры рассмотрению римских судов и вверить охрану своей безопасности могуществу Рима. Но для достижения этих благородных целей было, безусловно, необходимо постоянное присутствие императорского наместника, опирающегося на многочисленную армию. Поэтому Проб счел за лучшее отложить до другого времени исполнение такого широкого плана, который в сущности едва ли мог принести большую пользу. Если бы Германия была доведена до положения римской провинции, римляне достигли бы ценой огромных усилий и расходов только того, что им пришлось бы защищать более обширные границы против более свирепых и более предприимчивых скифских варваров.

Вместо того чтобы низводить воинственные германские народы до положения римских подданных, Проб удовольствовался более скромной мерой – он воздвигнул оплот против их вторжений. Страна, образующая в настоящее время Швабский округ, оставалась во времена Августа незаселенной вследствие того, что ее прежние жители перекочевали в другое место. Плодородие почвы скоро привлекло туда новых поселенцев из соседних галльских провинций. Толпы авантюристов, привыкших к бродячей жизни и не имевших никаких средств существования, заняли эту местность, не составлявшую ничьей бесспорной собственности, и стали уплачивать Риму десятую часть своих доходов, признавая этим свою зависимость от империи.

Чтобы охранять этих новых подданных, римляне поставили целый ряд пограничных гарнизонов, растянувшийся от Рейна до Дуная. Этот способ защиты стал входить в употребление около времени царствования Адриана; тогда для прикрытия гарнизонов и для облегчения их взаимных сношений были устроены крепкие окопы из деревьев и палисад. Взамен таких грубых укреплений император Проб построил довольно высокую каменную стену и придал ей еще большую прочность тем, что устроил на ней башни, расположенные на самом удобном одна от другой расстоянии. От окрестностей Ньюштадта и Ратисбонна на Дунае она шла через холмы, равнины, реки и болота до Вимпфена на Неккаре и наконец была доведена до берегов Рейна; ее извилистая линия имела в длину около двухсот миль. Эта сильная оборонительная линия, соединявшая между собой две огромные реки, которые считались оплотом европейских провинций, по-видимому, заграждала то пустое пространство, через которое варвары, и в особенности алеманны, могли всего легче проникать в самое сердце империи. Но опыт всех стран, начиная с Китая и кончая Британией, доказал, как тщетны все попытки укрепить границы страны на очень длинном протяжении. Деятельный неприятель, имеющий возможность выбирать и изменять по своему усмотрению пункты нападения, в конце концов непременно отыщет какое-нибудь слабое место или уловит момент оплошности. Ни силы, ни внимание защитников не могут быть сосредоточены на одном пункте, а бессознательное чувство страха так сильно действует даже на самые мужественные войска, что они почти немедленно покидают оборонительную линию, которую удалось неприятелю прорвать только в одном пункте. Судьба, которая постигла выстроенную Пробом стену, может служить подтверждением этого общего правила. Через несколько лет после его смерти она была разрушена алеманнами. Ее разбросанные развалины, обыкновенно приписываемые какой-то дьявольской силе, лишь возбуждают в наше время удивление швабских поселян.

Поселения варваров внутри империи

В числе мирных условий, наложенных Пробом на побежденных германцев, было также обязательство поставить для римской армии шестнадцать тысяч рекрутов, выбранных между самой храброй и самой сильной германской молодежью. Император рассылал этих рекрутов по всем провинциям и, разделив их на большие группы в пятьдесят или шестьдесят человек, распределял эти опасные подкрепления между римскими войсками, руководствуясь тем благоразумным правилом, что помощь, которую государство получает от варваров, должна быть ощутима, но не должна бросаться в глаза. А эта помощь была в ту пору очень нужна. Слабое, изнеженное от роскоши население Италии и внутренних провинций уже не было в состоянии выносить тяжести военной службы. Прирейнские и придунайские пограничные провинции еще доставляли бодрых духом и телом людей, которые были годны для военного ремесла, но число их постоянно уменьшалось от непрерывных войн. Браки стали редки, земледелие пришло в совершенный упадок, а отсутствие этих главных условий размножения не только ослабляло тогдашнее население, но и не позволяло рассчитывать на силы будущих поколений. Благоразумие Проба внушило ему широкий и благотворный план оживления истощенных пограничных провинций: он стал заводить там колонии из пленных или беглых варваров, которым раздавал земли, рогатый скот, земледельческие орудия и которых он всячески поощрял на то, чтобы они разводили расу воинов, готовых служить республике. В Британию и, как кажется весьма вероятным, в Камбриджешир он переселил значительный отряд вандалов. Невозможность бежать оттуда заставила их примириться со своим положением, и во время смут, впоследствии возникших на этом острове, они оказались самыми верными слугами римского государства. Множество франков и гепидов было поселено на берегах Дуная и Рейна. Сто тысяч бастарнов, изгнанных из своего отечества, охотно поселились на предложенных им во Фракии землях и скоро усвоили себе нравы и чувства римских подданных. Но ожидания Проба слишком часто

оказывались обманчивыми. Неусидчивые и склонные к праздности варвары не были годны для земледельческих работ. Их непреодолимая любовь к свободе не могла ужиться с деспотизмом и толкала их на необдуманные восстания, которые были пагубны как для них самих, так и для населенных ими провинций, так что, несмотря на усилия многих следовавших за Пробом императоров, эта искусственная помощь не возвратила пограничным галльским и иллирийским провинциям их прежней природной силы.

Из всех варваров, покидавших свои новые поселения и нарушавших общественное спокойствие, лишь очень немногие возвращались на свою родину. В течение некоторого времени они бродили по империи с оружием в руках, но в конце концов они неизбежно гибли от руки воинственного императора. Только одна смелая попытка франков имела такие достопамятные последствия, что мы не можем обойти ее молчанием. Они были поселены Пробом на побережье Понта для того, чтобы охранять эту пограничную провинцию от нашествий аланов. Флот, стоявший в одной из гаваней Эвксинского Понта, попал в их руки, и они решились пуститься в незнакомые им моря с целью пробраться от устьев Фасиса к устьям Рейна. Они без затруднений переплыли Босфор и Геллеспонт и, продолжая свое плавание по Средиземному морю, удовлетворяли свою жажду мщения и грабежа частыми высадками на берега Азии, Греции и Африки. Богатый город Сиракузы, в гавани которого когда-то были потоплены флоты Афин и Карфагена, был разграблен кучкой варваров, перебивших большую часть испуганного населения. От острова Сицилия франки направились к Геркулесовым столбам, не побоялись выйти в открытый океан, обогнули берега Испании и Галлии и, пройдя Британский канал, наконец достигли цели своего удивительного странствования, высадившись на берегах, населенных батавами и фризами. Их пример, раскрывший в глазах их соотечественников выгоды морских поездок и убедивший их в ничтожности сопряженных с этими поездками опасностей, указал этим предприимчивым народам новый путь к богатству и славе.

Несмотря на бдительность и деятельность Проба, он не был в состоянии удерживать в повиновении в одно и то же время все части своих обширных владений. Чтобы разорвать свои цепи, варвары воспользовались удобным случаем, который им представляла междоусобная война. Перед тем как выступить на защиту Галлии, император поручил Сатурнину главное начальство над восточными армиями. Этот способный и опытный генерал был вовлечен в восстание отсутствием своего государя, легкомыслием александрийского населения, настоятельными увещаниями своих друзей и своими личными опасениями; но с той минуты, как он был провозглашен императором, он потерял всякую надежду на сохранение не только императорского достоинства, но даже жизни. «Увы! – воскликнул он. – Республика лишилась полезного слуги, и опрометчивость одной минуты уничтожила многолетние заслуги. Вы не знаете, как жалок тот, в чьих руках находится верховная власть; над нашей головой постоянно висит меч. Мы боимся даже наших телохранителей, мы не можем положиться даже на самых близких к нам людей. Мы не можем ни действовать, ни отдыхать, когда этого хотим; и нет ни такого возраста, ни такого характера, ни такого поведения, которые могли бы предохранить нас от порицаний, внушаемых завистью. Возводя меня на престол, вы обрекли меня на тревожную жизнь и на преждевременную смерть. В утешение мне остается только одна уверенность, что я не погибну в одиночестве». Первую часть его предсказания оправдало его поражение, но вторая часть не сбылась благодаря милосердию Проба. Этот добрый монарх даже пытался защитить несчастного Сатурнина от ярости солдат. Он не раз убеждал узурпатора отнестись с доверием к великодушию государя, который так высоко ценил его дарования, что подвергнул наказанию доносчика, который прежде всех сообщил ему неправдоподобное известие об его измене. Может быть, Сатурнин и принял бы это великодушное предложение, если бы его не удержало упорное недоверие его приверженцев. Они были более виновны, чем их опытный вождь, и более его были уверены в успехе восстания. Лишь только было подавлено восстание Сатурнина на востоке, новые смуты возникли на Западе вследствие восстаний Боноза и Прокула в Галлии.

Главные отличительные достоинства этих двух генералов заключались в том, что первый из них прославился своими подвигами на службе у Бахуса, а второй – на службе у Венеры; впрочем, у них обоих не было недостатка ни в храбрости, ни в дарованиях, оба они с честью поддерживали достоинство того сана, который приняли на себя из страха наказания, и оба пали перед военным гением Проба. Император воспользовался победой со своей обычной сдержанностью и пощадил жизнь и состояние невинных родственников этих двух бунтовщиков.

Триумф императора Проба. 281 г.

Воинские дарования Проба наконец уничтожили всех внешних и внутренних врагов государства. Его кроткое, но твердое управление содействовало восстановлению общественного спокойствия, и в провинциях уже не осталось ни одного тирана и даже ни одного грабителя, которые могли бы напоминать о прежней неурядице. Тогда настало для императора время возвратиться в Рим и отпраздновать свои собственные подвиги и общее благополучие. Триумф, приличный заслугам Проба, был устроен с таким великолепием, какое соответствовало его блестящим успехам, и народ, еще так недавно восхищавшийся трофеями Аврелиана, с неменьшим удовольствием глазел на трофеи его геройского преемника. Мы не можем не упомянуть по этому случаю об отчаянной храбрости почти восьмидесяти гладиаторов, которые вместе с шестьюстами другими гладиаторами были назначены для бесчеловечных забав амфитеатра. Не желая проливать свою кровь для забавы черни, они перебили своих сторожей, вырвались из места своего заключения и наполнили римские улицы сценами убийства и мятежа. После упорного сопротивления они были истреблены регулярными войсками, но, по крайней мере, они умерли с честью, удовлетворив справедливую жажду мщения.

Военная дисциплина, господствовавшая в лагерях Проба, была менее жестока, чем при Аврелиане, но она была так же сурова и взыскательна. Последний из этих двух императоров наказывал дурное поведение солдат с немилосердной строгостью, а первый из них старался предотвратить такое поведение, употребляя легионы на постоянные и полезные работы. Когда Проб командовал в Египте, он соорудил немало больших зданий для украшения и для пользы этой богатой страны. Для плавания по Нилу, которое имело большую важность для самого Рима, было сделано немало улучшений; храмы, мосты, портики и дворцы были построены руками солдат, которые исполняли обязанности то архитекторов, то инженеров, то земледельцев. Рассказывают, будто Ганнибал, желая предохранить свои войска от пагубных последствий праздности, заставлял их заводить большие плантации оливковых деревьев вдоль берегов Африки. Руководствуясь тем же самым принципом, Проб занимал свои войска разведением виноградников на холмистых местностях Галлии и Паннонии, и нам рассказывают о двух значительных пространствах земли, которые были возделаны солдатами и засажены деревьями. Одно из этих мест, известное под именем горы Альмо, находилось подле Сирмия – местности, которая была родиной Проба, к которой он всегда сохранял особенную любовь и признательность которой он постарался приобрести тем, что превратил значительное пространство нездоровой болотистой почвы в пахотную землю. Армия, так хорошо употреблявшая свое свободное время, составляла едва ли не самую полезную и самую лучшую часть римских подданных. Но даже самые достойные люди при исполнении любимой задачи иногда до того бывают ослеплены честностью собственных намерений, что выходят из границ умеренности; и сам Проб не принял достаточно во внимание выносливости и характера гордых легионных солдат. Опасности военной профессии, как кажется, вознаграждаются лишь приятной и праздной жизнью; но если к обязанностям солдата постоянно будут прибавлять труды, свойственные земледельцам, то он, наконец, или падет под тяжестью такого бремени, или с негодованием сбросит его с себя. Неосторожность Проба, как рассказывают, воспламенила в его войсках чувства неудовольствия. Помышляя более об интересах человеческого рода, чем

об интересах армии, он выразил напрасную надежду, что водворение всеобщего мира скоро избавит его от необходимости содержать постоянную армию из наемников. Эти неосторожные слова сделались причиной его гибели. В один из самых жарких летних дней он с особенной строгостью понуждал солдат, работавших над осушением вредных для здоровья болот Сирмия; изнемогавшие от усталости солдаты внезапно побросали свои рабочие инструменты, взяли оружие и подняли страшный бунт. Сознавая угрожавшую ему опасность, император укрылся в высокой башне, выстроенной для надзора за ходом работ. Солдаты тотчас ворвались в башню, и тысяча мечей пронзили грудь несчастного Проба. Ярость солдат утихла, лишь только она была удовлетворена; тогда они стали сожалеть о своей пагубной торопливости, позабыли о строгости императора, которого они убили, и поспешили увековечить воспоминание о его добродетелях и победах, воздвигнув ему приличный памятник.

Избрание Кара

Когда легионы удовлетворили и чувство мести, и чувство раскаяния, они единогласно признали, что преторианский префект Кар всех более достоин императорского престола. Все подробности касательно этого государя представляются неясными и сомнительными. Он гордился званием римского гражданина и сравнивал чистоту своей крови с чужестранным и даже варварским происхождением предшествовавших императоров; однако те из его современников, которые делали по этому поводу самые тщательные розыски, нисколько не одобряют его притязаний и расходятся во мнениях на счет того, был ли он родом из Иллирии, из Галлии или из Африки. Хотя по своей профессии он был солдат, он был очень хорошо образован; хотя он был сенатор, он был облечен в высшее военное звание, и в таком веке, когда профессии гражданскую и военную стали резко отделять одну от другой, Кар соединял их вместе в своем лице. Несмотря на то что он подвергнут строгому наказанию убийц Проба, милостям и уважению которого он был обязан своим возвышением, он не мог избежать подозрения в содействии преступлению, открывшему для него путь к престолу. По крайней мере, до своего провозглашения императором он считался человеком добродетельным и способным; но суровость его характера постепенно перешла в угрюмость и жестокосердие, так что посредственные историки, занимавшиеся его жизнеописанием, недоумевают, не следует ли отнести его к числу римских тиранов. Когда Кар облекся в императорскую мантию, ему было около шестидесяти лет, а двое его сыновей, Карин и Нумериан, уже достигли зрелого возраста.

Влияние сената прекратилось вместе с жизнью Проба, а раскаяние солдат не выразилось в том почтительном преклонении перед гражданской властью, какое мы видели после смерти несчастного Аврелиана. Избрание Кара было решено, не дожидаясь одобрения сената, и новый император ограничился тем, что в холодном официальном письме уведомил это собрание о своем восшествии на вакантный престол. Поведение, столь противоположное любезной вежливости его предшественника, не позволяло ожидать чего-либо хорошего от нового царствования, и лишенные влияния и свободы римляне заявили мятежным ропотом о своих нарушенных правах. Однако лесть не осталась безмолвной, и до нас дошла эклога, написанная по случаю восшествия Кара на престол; несмотря на то что ее содержание возбуждает к ней презрение, ее все-таки можно прочесть с удовольствием. Два пастуха, желая укрыться от полуденного зноя, зашли в пещеру Фавна. На широко раскинувшем свои ветви буковом дереве они видят недавно написанные слова. Деревенское божество описало в пророческих стихах благополучие, ожидающее империю в царствование столь великого государя. Фавн приветствует героя, который, приняв на свои плечи тяжесть распадающегося римского мира, должен положить конец войнам и внутренним раздорам и восстановить нравственную чистоту и счастье золотого века.

Поход на Восток

Более чем вероятно, что такие изящные безделушки никогда не доходили до слуха заслуженного генерала, который готовился с согласия легионов к исполнению долга, отлагавшегося в сторону плана войны с Персией. Перед своим отъездом в эту далекую экспедицию Кар возвел в звание Цезарей обоих своих сыновей, Карина и Нумериана; первому из них он дал власть, почти равную со своей собственной, и поручил ему сначала подавить некоторые волнения, возникшие в Галлии, а потом поселиться на постоянное жительство в Риме и вступить в управление западными провинциями. Безопасность Иллирии была обеспечена достопамятной победой над сарматами; шестнадцать тысяч этих варваров легли на поле битвы, а число пленных доходило до двадцати тысяч. Престарелый император, воодушевленный славой и надеждой новой победы, продолжал среди зимы свое наступательное движение через Фракию и Малую Азию и наконец вместе со своим младшим сыном Нумерианом достиг границ персидской монархии. Расположившись лагерем на вершине высокого холма, он указал оттуда своим войскам на богатую, погруженную в роскошь страну, которая должна сделаться их добычей.

Преемник Артаксеркса Варан (или Барам), хотя и одержал победу над одним из самых воинственных народов Верхней Азии сегестанами, однако был встревожен приближением римлян и попытался остановить их дальнейшее движение мирными переговорами. Его послы прибыли в римский лагерь при солнечном закате в то время, когда войска удовлетворяли свой голод умеренным ужином. Они изъявили желание быть представленными римскому императору. Их подвели к одному солдату, который сидел на траве. Кусок несвежего мяса и сухой горох составляли его ужин. Сшитая из грубой шерстяной материи пурпуровая мантия была единственным признаком его высокого звания. Совещание велось с таким же пренебрежением к внешней обстановке. Кар снял с головы шапку, которую он носил для прикрытия своей плешивой головы, и объявил послам, что если верховенство Рима не будет признано их повелителем, на персидской территории в самом непродолжительном времени не останется ни одного дерева точно так, как на его голове не осталось ни одного волоса. Несмотря на то что в этой сцене можно усмотреть некоторые признаки искусственной подготовки, она все-таки знакомит нас с привычками Кара и со строгой простотой, которую успели ввести в римских лагерях воинственные императоры, занимавшие престол после Галлиена. Послы великого короля пришли в ужас и удалились.

Победы Кара и его внезапная смерть. 282 г.

Угрозы Кара не остались тщетными. Он опустошил Месопотамию, преодолел все преграды, какие встречались на пути, овладел важными городами Селевкией и Ктезифоном (который, как кажется, сдался без сопротивления) и проник в своем победоносном шествии по ту сторону Тигра. Он выбрал для нашествия очень благоприятную минуту. Персидское правительство было раздираемо внутренними распрями, и большая часть персидских войск была задержана у пределов Индии. Рим и восточные провинции с восторгом узнали о таких важных успехах. Лесть и надежда уже изображали самыми яркими красками падение Персии, завоевание Аравии, покорение Египта и прочную безопасность от вторжений скифских народов. Но царствованию Кара было суждено доказать неосновательность этих предсказаний. Лишь только они были сделаны, их опровергла смерть самого Кара. Сведения об этом происшествии очень сбивчивы, поэтому мы и ограничимся тем, что рассказывает о нем собственный секретарь императора в письме к городскому префекту: «Наш дражайший император Кар лежал по болезни в постели, когда над лагерем разразилась страшная гроза. Небо покрылось таким густым мраком, что мы не могли узнавать друг друга, а беспрестанный блеск молнии лишал нас

способности видеть все, что происходило среди общего беспорядка. Немедленно вслед за чрезвычайно сильным ударом грома мы внезапно услышали крик, что император умер! Затем мы узнали, что его придворные, придя в исступление от скорби, зажгли императорскую палатку, отчего и возник слух, будто Кар убит молнией. Но, насколько мы были в состоянии доискаться истины, его смерть была натуральным следствием его болезни».

Хотя престол и оказался вакантным, беспорядков никаких не произошло. Честолюбие тех генералов, которые втайне мечтали о верховной власти, сдерживалось естественно возникшими в их уме опасениями, и юный Нумериан вместе с его отсутствующим братом Каринном были единогласно признаны римскими императорами. Все ожидали, что преемник Кара пойдет по стопам своего отца и, не давая персам времени оправиться от наведенного на них страха, дойдет с мечом в руке до дворцов Сузы и Экбатаны. Но как ни были сильны легионы и своим числом, и своей дисциплиной, они впали в уныние от самого низкого суеверного страха. Несмотря на все старания скрыть причину смерти последнего императора, оказалось, что нет возможности изменить мнение, которое составил себе о ней народ; а сила мнений непреодолима. На то место и на того человека, которые были поражены молнией, древние народы смотрели с благочестивым ужасом и считали их жертвой божеского гнева. Вспоминали также об одном оракуле, указавшем на Тигр как на предназначенный самой судьбой предел римских завоеваний. Войска, напуганные смертью Кара и ожидавшими их самих опасностями, стали настоятельно требовать от юного Нумериана, чтобы он подчинился воле богов и увел их с этого зловещего театра войны. Слабохарактерный император не был в состоянии осилить их законенного предассудка, и персы были весьма поражены, узнав о неожиданном отступлении победоносного врага.

Весть о таинственной смерти императора быстро долетела от границ Персии до Рима, и как сенат, так и провинции одобрили возведение сыновей Кара на престол. Впрочем, этим счастливым юношам было совершенно чуждо то сознание превосходства рождения или заслуг, которое одно только и делает обладание верховной властью легким и, так сказать, натуральным. Они оба родились и воспитывались частными людьми и внезапно возвысились до ступеней трона благодаря избранию их отца в императоры, а случившаяся почти через шестнадцать месяцев после того смерть Кара неожиданно дала им в наследство обширную империю. Чтобы воспользоваться с умеренностью столь быстрым возвышением, нужно было иметь недюжинные личные достоинства и благоразумие, но их-то именно и недоставало старшему из двух братьев – Карину. Во время галльской войны он выказал в некоторой мере личную храбрость, но с первой минуты своего прибытия в Рим он предался столичным удовольствиям и стал злоупотреблять дарами фортуны. Он был слаб характером, но вместе с тем жесток; он любил развлечения, но вовсе не имел вкуса, и хотя был очень чувствителен ко всему, что затрагивало его тщеславие, не придавал никакой цены общественному о нем мнению. В течение нескольких месяцев он девять раз вступал в брак и девять раз разводился, почти каждый раз оставляя своих жен беременными, и, несмотря на столько законных брачных уз, находил еще время для удовлетворения множества других страстей, покрывая позором и самого себя, и самые знатные римские семьи. В нем возникла непримиримая ненависть ко всякому, кто напоминал о его скромном прошлом или осуждал его теперешнее поведение. Он отсылал в изгнание или наказывал смертью друзей и советников, которым поручил его отец руководить его неопытной юностью, и преследовал с самой низкой злобой школьных друзей и товарищей, не оказавших надлежащего уважения к будущему императору. С сенаторами Карин обращался гордо и повелительно и нередко говорил им о своем намерении раздать их имения римской черни. Среди самых подонков этой черни он выбирал своих фаворитов и даже своих министров. Не только во дворце, но даже за императорским столом можно было видеть певцов, танцовщиков, публичных женщин и представителей всякого рода пороков и дурачеств. Одному из своих привратников он поручил управление городом. На место преторианского префекта, которого он

казнил, Карин назначил одного из тех людей, которые помогали ему в его распутных наслаждениях. Другой из таких людей, имевший еще более позорные права на его признательность, был возведен им в консульское звание. Один из его личных секретарей, умевший с необыкновенной ловкостью подделывать под чужой почерк, избавил ленивого императора, конечно, с его собственного согласия от скучной необходимости подписывать свое имя.

Когда император Кар решил предпринять войну с Персией, он частью из отцовской привязанности, частью из политических расчетов обеспечил положение своего семейства тем, что оставил в руках своего старшего сына и западные армии, и западные провинции. Полученные им вскоре вслед за тем сведения о поведении Карина возбудили в нем стыд и скорбь; он не скрывал своего намерения успокоить республику строгим актом справедливости и взамен недостойного сына усыновить храброго и добродетельного Констанция, который был в то время губернатором Далмации. Но возвышение Констанция было отложено на некоторое время, и лишь только смерть отца освободила Карина от всяких стеснений, какие налагало на него чувство страха или приличия; римлянам пришлось выносить тиранию императора, соединявшего с сумасбродством Гелиогабала жестокосердие Домициана.

Единственная заслуга этого монарха, которая стоит того, чтобы быть занесенной на страницы истории или быть воспетой поэтами, заключалась в необыкновенном блеске, с которым он устроил, – от своего имени и от имени брата, – римские игры в театре, цирке и амфитеатре. Более чем через двадцать лет после того, когда царедворцы Диоклетиана указывали своему бережливому монарху на славу и популярность его расточительного предшественника, он соглашался с тем, что царствование Карина было поистине веселым царствованием. Но эта тщеславная расточительность могла внушать лишь отвращение благоразумному Диоклетиану, а в римском народе она возбуждала удивление и восторг. Старики, еще не забывшие публичных зрелищ старого времени, – триумфальных въездов Проба и Аврелиана и Столетних игр императора Филиппа, – признавали, что Карин превзошел их всех своим великолепием.

Римские зрелища

Чтобы составить себе ясное понятие о зрелищах, которые были устроены Каринем, мы должны познакомиться с дошедшими до нас подробностями о тех зрелищах, которые устраивались при его предшественниках. Если мы ограничимся одними травлями диких зверей, то, как бы нам ни казались достойными порицания и основная мысль такой забавы, и жестокосердие тех, кто приводил ее в исполнение, мы все-таки должны будем сознаться, что ни прежде, ни после римлян не было потрачено столько искусства и столько денег для увеселений народа. По приказанию Проба множество деревьев были вырваны с корнем и пересажены в середину цирка. Этот обширный и тенистый лес был немедленно наполнен тысячью страусов, тысячью ланей, тысячью оленей, тысячью кабанов, и вся эта разнообразная дичь была отдана на произвол бушующей народной толпе. Трагедия следующего дня заключалась в избиении ста львов, такого же числа львиц, двухсот леопардов и трехсот медведей. Коллекция, которая была заготовлена младшим Гордианом для своего триумфа и которая фигурировала в Столетних играх, устроенных его преемником, была замечательна не столько числом животных, сколько их оригинальностью. Двадцать зебр поражали взоры римского народа изящными формами своего тела и красотой своей кожи. Десять лосей и столько же жирафов – самых высоких и самых безобидных животных между всеми, какие бродят по степям Сарматии и Эфиопии, – представляли резкий контраст с тридцатью африканскими гиенами и десятью индийскими тиграми, принадлежащими к числу самых свирепых обитателей жаркого пояса. Безвредной физической силе, которой природа наделила самых больших четвероногих, публика удивлялась, глядя на носорога, на нильского гиппопотама и на величественную группу из тридцати двух слонов. В то время как чернь глазела с глупым изумлением на эту великолепную выставку, для натуралиста,

конечно, представлялся удобный случай изучать внешний вид и особенности стольких различных пород, доставленных в римский амфитеатр со всех концов Древнего мира. Но случайная польза, которую наука могла извлекать из безрассудства, конечно, не могла служить достаточным оправданием для такой неразумной траты государственных доходов. Впрочем, во время первой Пунической войны был один случай, когда сенат сумел согласовать народную забаву такого рода с интересами государства. Слоны, захваченные римлянами в значительном числе при поражении карфагенской армии, были приведены в цирк несколькими рабами, которые не имели в руках никакого другого оружия, кроме тупых дротиков. Это зрелище принесло ту пользу, что внушило римским солдатам справедливое презрение к этим неуклюжим животным и они перестали их бояться, когда видели их в рядах неприятельской армии.

Травля или выставка диких зверей устраивались с великолепием, приличным для такого народа, который сам себя называл властителем мира; здание, приспособленное для этих забав, также соответствовало величию Рима. Потомство до сих пор удивляется и еще долго будет удивляться громадным развалинам амфитеатра, который был построен Титом и к которому так хорошо подходил эпитет «колоссальный». Это здание имело эллиптическую форму; в длину оно имело пятьсот шестьдесят четыре фута, а в ширину – четыреста шестьдесят семь; оно поддерживалось восьмьюдесятью арками и возвышалось четырьмя этажами до высоты ста сорока футов. Внешняя сторона здания была обложена мрамором и украшена статуями; вдоль внутренней стороны стен были расставлены шестьдесят или восемьдесят рядов стульев, сделанных из мрамора и покрытых подушками; на них могли удобно уместиться более восьмидесяти тысяч зрителей. Шестьдесят четыре vomitoria (этим именем очень удачно обозначались двери) служили выходом для громадной толпы народа, а входы, проходы и лестницы были устроены так искусно, что каждый посетитель, – все равно, будь это сенатор, всадник или плебей, – направлялся к своему месту без всякой помехи или замешательства. Не было оставлено без внимания ничто из того, что могло бы доставлять зрителям удобства или удовольствие. От солнечных лучей и от дождя их охранял огромный навес, который развешивался над их головами в случае надобности. Воздух постоянно освежался фонтанами и был наполнен благоуханием ароматов. Находившаяся в центре здания арена или сцена была усыпана самым мелким песком и по мере надобности могла принимать самые разнообразные формы. Она то поднималась из земли, как сад Гесперид, то изображала утесы и пещеры Фракии. Проведенные под землей трубы служили неисчислимыми запасами воды, и местность, только что имевшая внешний вид гладкой поверхности, могла внезапно превращаться в обширное водное пространство, покрытое вооруженными судами и наполненное множеством морских чудовищ. В украшениях сцены римские императоры выказывали свое богатство и свою щедрость, и нам нередко случается читать, что все украшения амфитеатра были сделаны из серебра, или из золота, или из янтаря. Поэт, который описал устроенные Карином зрелища, назвавшись пастухом, привлеченным в столицу слухом об их великолепии, утверждает, что сети для защиты от диких зверей были из золотой проволоки, что портики были позолочены и что перегородки, отделявшие ряды зрителей один от другого, были украшены дорогими мозаиками из самых красивых камней.

Среди этой блестящей роскоши уверенный в своей фортуне император Карин наслаждался восторженными возгласами народа, лестью своих царедворцев и песнями поэтов, которые за недостатком других, более существенных достоинств должны были ограничиваться тем, что прославляли божественные прелести его особы. В это же самое время, но только на расстоянии девятисот миль от Рима его брат испустил дух, и это внезапное событие передало в руки чужестранца скипетр, принадлежавший семейству Кара.

Сыновья Кара ни разу не виделись после смерти своего отца. Их новое положение требовало взаимного соглашения, которое, вероятно, было отложено до возвращения младшего брата в Рим, где обоих императоров ожидали почести триумфа в награду за блестящий успех в персидской войне. Неизвестно, намеревались ли они разделить между собой управление про-

винциями, но едва ли можно поверить, чтобы согласие между ними могло быть продолжительным и прочным. Противоположность их характеров неминуемо возбудила бы между ними соперничество из-за власти. Карин был недостоин жизни даже в самые развращенные эпохи, а Нумериан был бы достоин престола даже в самые лучшие времена. Его приветливое обращение и симпатичные личные качества доставили ему общее уважение и привязанность; он был одарен поэтическими и ораторскими способностями, которые возвышают и украшают людей, как самых незнатных, так и самых высокопоставленных. Его красноречие хотя и вызывало одобрение сената, было не столько по образцу Цицерона, сколько по образцу новейших декламаторов; однако в таком веке, когда поэтические дарования не были редкостью, он состязался из-за премии с самыми знаменитыми из своих соотечественников и все-таки оставался другом своих соперников, – а это обстоятельство служит доказательством или доброты его сердца, или превосходства его ума. Но дарования Нумериана располагали его скорее к созерцательной, нежели к деятельной жизни. Когда возвышение его отца заставило его отказаться от уединенной жизни частного человека, тогда стало ясно, что ни по своему характеру, ни по своим познаниям он не годился для командования армиями. Его слабое сложение пострадало от лишений, испытанных во время персидской войны, а от чрезмерной жары у него так разболелись глаза, что во время продолжительного отступления он был принужден укрываться от дневного света или внутри своей палатки, или внутри закрытых носилок. Заведывание всеми делами, как гражданскими, так и военными, было возложено на преторианского префекта Аррия Апера, который при своей важной должности пользовался еще особым почетом в качестве Нумерианова тестя. Он поручил самым верным из своих приверженцев охрану императорской палатки и в течение многих дней передавал армии мнимые приказания ее невидимого государя.

Римская армия, возвращавшаяся медленными переходами от берегов Тигра, достигла берегов Фракийского Босфора не прежде, как через восемь месяцев после смерти Кара. Легионы остановились в Халкедоне, на азиатской территории, а двор переехал в Гераклею, на европейский берег Пропонтиды. Но в лагере скоро распространился слух, что император умер и что его самонадеянный и честолюбивый министр пользовался верховной властью от имени государя, которого уже не было в живых. От тайных перешептываний дело дошло до громких выражений неудовольствия, и солдаты, наконец, уже не были в состоянии долее оставаться в недоумении. Из желания удовлетворить свое любопытство они ворвались в императорскую палатку и нашли там лишь труп Нумериана. Постепенный упадок его физических сил мог бы заставить их поверить, что его смерть была естественная; но старание скрыть эту смерть считалось за доказательство преступления, а принятые Апером меры с целью обеспечить свое избрание в императоры сделались непосредственным поводом к его гибели. Однако даже среди своих порывов ярости и гнева войска не уклонились от регулярного образа действий, что доказывает, как тверда была дисциплина, восстановленная воинственным преемником Галлиена.

Избрание императора Диоклетиана. 284 г.

В Халкедоне была собрана вся армия для совещания, и Апер был приведен в цепях как преступник. Посреди лагеря был воздвигнут трибунал и был составлен военный совет из генералов и трибунов. Они вскоре объявили армии, что их выбор пал на начальника телохранителей Диоклетиана, как на такого человека, который более всех способен отомстить за возлюбленного императора и быть его преемником. Судьба этого кандидата зависела столько же от всяких случайностей, сколько и от его собственного поведения. Сознывая, что должность, которую он занимал, могла навлечь на него подозрения, Диоклетиан взошел на трибунал и, обратив свои глаза к солнцу, торжественно поклялся в своей невинности перед лицом этого всевидящего божества. Затем, принимая тон монарха и судьи, он приказал привести Апера в цепях к подножию трибунала. «Этот человек, – сказал он, – убийца Нумериана». И не давая Аперу

времени что-либо сказать в свое оправдание, вынул свой меч и вонзил его в грудь несчастного префекта. Обвинение, подкрепленное таким решительным доказательством, было принято без возражений, и легионы признали многократными возгласами и справедливость, и власть императора Диоклетиана.

Прежде чем приступить к описанию достопамятного царствования этого государя, мы должны покончить с недостойным братом Нумериана. Карин имел в своем распоряжении такие военные силы и такие сокровища, которых было вполне достаточно для поддержания его законного права на престол, но его личные пороки уничтожали все выгоды его рождения и положения. Самые преданные слуги отца презирали неспособность сына и опасались его жестокосердного высокомерия. Сердца народа были расположены в пользу его соперника, и даже сенат был готов предпочесть узурпатора тирану. Хитрости, к которым прибегал Диоклетиан, разжигали общее чувство неудовольствия, и зима прошла в тайных интригах и в явных приготовлениях к междоусобной войне. Весной военные силы Востока и Запада встретились на равнинах небольшого города Мезии Марга неподалеку от Дуная. Войска, еще так недавно возвратившиеся из персидского похода, покрыли себя славой в ущерб своему здоровью и своим численным силам и не были в состоянии выдержать борьбу со свежими силами европейских легионов. Их ряды были прорваны, и в течение некоторого времени Диоклетиан испытывал страх и за свою корону, и за свою жизнь. Но успех, доставленный Карину храбростью его солдат, был мгновенно уничтожен изменой его офицеров. Один трибун, жену которого соблазнил Карин, воспользовался удобным случаем для мщения и одним ударом потушил пламя междоусобной войны в крови прелюбодея.

Глава 3 (XIII)

Царствование Диоклетиана и его трех сотоварищей, Максимиана, Галерия и Констанция. – Восстановление всеобщего порядка и спокойствия. – Персидская война, победа и триумф. – Новая форма управления. – Отречение и удаление Диоклетиана и Максимиана. (285–313 гг.)

Возвышение Диоклетиана

Насколько царствование Диоклетиана было более славно, чем царствование кого-либо из его предшественников, настолько же его происхождение было более низко и незнатно. Притязания, опирающиеся на личные достоинства или на грубую силу, нередко одерживали верх над идеальными прерогативами знатности рождения, но до той поры все еще сохранялось резкое различие между свободной частью человеческого рода и той, которая жила в рабстве. Родители Диоклетиана были рабами в доме римского сенатора Аннулина, и сам он не носил другого имени, кроме того, которое было заимствовано от небольшого городка в Далмации, из которого была родом его мать. Впрочем, весьма вероятно, что его отец приобрел свободу и вскоре вслед за тем получил должность писца, которая была обыкновенным уделом людей его звания. Благоприятные предсказания или скорее сознание высших достоинств пробудили честолюбие в его сыне и внушили ему желание искать фортуны на военном поприще. Очень интересно проследить и его заслуги, и случайности, которые дали ему возможность оправдать те предсказания и выказать те достоинства перед глазами всего мира. Диоклетиан был назначен губернатором Мезии, потом был возведен в звание консула и наконец получил важную должность начальника дворцовой стражи. Он выказал свои дарования в персидской войне, а после смерти Нумериана бывший раб по решению его соперников был признан всех более достойным императорского престола. Злоба религиозных фанатиков, не щадившая необузданного высокомерия его сотоварища Максимиана, старалась набросить тень сомнения на личное мужество императора Диоклетиана. Нас, конечно, нелегко уверить в трусости счастливого солдата, умевшего приобрести и сохранить как уважение легионов, так и доверие стольких воинственных государей. Однако даже клевета достаточно рассудительна для того, чтобы нападать именно на самые слабые стороны характера. Диоклетиан всегда имел то мужество, какого требовали его обязанности или обстоятельства, но он, как кажется, не обладал той отважной и геройской неустрашимостью, которая ищет опасности и славы, никогда не прибегает к хитростям и заставляет всех невольно преклоняться перед собой. У него были скорее полезные, чем блестящие способности: большой ум, просвещенный опытом и знанием человеческого сердца; ловкость и прилежание в деловых занятиях; благоразумное сочетание щедрости с бережливостью, мягкости со строгостью; глубокое лицемерие, скрывавшееся под личиной воинского прямодушия; упорство в преследовании своих целей; гибкость в выборе средств, а главным образом великое искусство подчинять как свои собственные страсти, так и страсти других людей интересам своего честолюбия и умение прикрывать свое честолюбие самыми благовидными ссылками на требования справедливости и общественной пользы. Подобно Августу, Диоклетиан может считаться за основателя новой империи. Подобно тем, кто был усыновлен Цезарем, он был более замечателен как государственный человек, нежели как воин; а ни один из этих государей не прибегал к силе, когда мог достигнуть своей цели политикой.

Диоклетиан воспользовался своим торжеством с необычайной мягкостью. Народ, привыкший превозносить милосердие победителя, когда обычные наказания смертью, изгнанием и конфискацией налагались хотя бы с некоторой умеренностью и справедливостью, смотрел с самым приятным удивлением на тот факт, что пламя междоусобной войны потухло на самом поле битвы. Диоклетиан оказал свое доверие главному министру семейства Кара, Аристобулу, пощадил жизнь, состояние и служебное положение своих противников и даже оставил при своих должностях большую часть служителей Карина. Нет ничего неправдоподобного в том, что не одно только человеколюбие, но также и благоразумие руководило действиями хитрого Диоклетиана: одни из этих служителей купили милостивое расположение тайной изменой, других он уважал за признательную преданность их несчастному повелителю. Благодаря благоразумной прозорливости Аврелиана, Проба и Кара различные гражданские и военные должности занимались людьми достойными, удаление которых причинило бы вред государству, но не принесло бы никакой пользы самому императору. Такой образ действий внушал всем римским подданным самые светлые надежды на новое царствование, а император постарался поддерживать это благоприятное настроение умов, объявив, что из всех добродетелей его предшественников он будет всего более стараться подражать гуманной философии Марка Антонина.

Первое значительное дело его царствования, по-видимому, служило доказательством как его искренности, так и его умеренности. По примеру Марка он избрал себе сотоварища в лице Максимиана, которому он дал сначала титул Цезаря, а впоследствии и титул Августа. Но и мотивы его образа действий, и предмет его выбора несколько не напоминали его славного предшественника.

Возводя развратного юношу в императорское звание, Марк уплатил долг личной признательности ценой общественного благополучия. А выбирая в сотоварищи друга и сослуживца в минуту общественной опасности, Диоклетиан имел в виду оборону Востока и Запада от неприятеля. Максимиан родился крестьянином и, подобно Аврелиану, был уроженцем Сирмий. Он не получил никакого образования, относился с пренебрежением к законам и, даже достигнув самого высокого общественного положения, напоминал своей грубой наружностью и своими грубыми манерами о незнатности своего происхождения. Война была единственная наука, которую он изучал. В течение своей долгой военной карьеры он отличался на всех границах империи, и хотя по своим военным способностям он был более годен для исполнения чужих приказаний, чем для командования, хотя он едва ли когда-либо мог стать в один ряд с лучшими генералами, он был способен выполнять самые трудные поручения благодаря своей храбрости, стойкости и опытности. Пороки Максимиана были не менее полезны для его благодетеля. Будучи недоступен для чувства сострадания и никогда не опасаясь последствий своих деяний, он был всегда готовым орудием для совершения всякого акта жестокости, на какой только угодно было хитрому Диоклетиану подстрекнуть его. В этих случаях Диоклетиан ловко отклонял от себя всякую ответственность. Если политические соображения или жажда мщения требовали кровавых жертв, Диоклетиан вовремя вмешивался в дело, спасал жизнь немногих остальных, которых он и без того не был намерен лишать жизни, слегка журил своего сурового сотоварища и наслаждался сравнениями золотого века с железным, которые обыкновенно применялись к их противоположным принципам управления. Несмотря на различие своих характеров, оба императора сохранили на престоле ту дружбу, которую они питали друг к другу, будучи частными людьми. Высокомерие и заносчивость Максимиана, оказавшиеся впоследствии столь пагубными и для него самого, и для общественного спокойствия, почтительно преклонялись перед гением Диоклетиана, признавая превосходство ума над грубой силой. Из гордости или из суеверия два императора присвоили себе титулы – первый Юпитерова сына (Jovius), а второй – Геркулесова сына (Herculius). В то время как движение мира (так выражались продажные ораторы того времени) направлялось всевидящей мудростью Юпитера, непобедимая рука Геркулеса очищала землю от чудовищ и тиранов.

Два Цезаря – Галерий и Констанций. 292 г.

Но даже могущества сыновей Юпитера и Геркулеса не было достаточно для того, чтобы выносить бремя государственного управления. Диоклетиан скоро убедился, что со всех сторон атакованная варварами империя требовала повсюду большой армии и личного присутствия императора. По этой причине он решился еще раз разделить свою громадную власть и возложить на двух самых достойных генералов вместе с менее важными титулами Цезарей одинаковую долю верховной власти. Галерий, прозванный Арментарием, потому что был сначала пастухом, и Констанций, которого прозвали Хлором по причине его бедности, – те два генерала, которые были облечены второстепенными отличиями императорского достоинства. То, что мы говорили о родине, происхождении и нравах Геркулия, может быть отнесено и к Галерию, которого нередко называли Максимианом Младшим, хотя он и по своим личным достоинствам, и по своим познаниям во многих отношениях был выше Максимиана Старшего. Происхождение Констанция не было так низко, как происхождение его сотоварищей. Его отец, Евтропий, принадлежал к числу самых знатных семейств Дардании, а его мать была племянница императора Клавдия. Хотя Констанций провел свою молодость в занятиях военным ремеслом, он был одарен мягким и симпатичным характером, и голос народа давно уже признавал его достойным того ранга, которого он, наконец, достиг. С целью скрепить политическую связь родственными узами каждый из императоров принял на себя звание отца одного из Цезарей: Диоклетиан сделался отцом Галерия, а Максимиан – отцом Констанция; сверх того, каждый из Цезарей должен был развестись со своей прежней женой и жениться на дочери того императора, который его усыновил. Эти четыре монарха разделили между собой обширную империю. Защита Галлии, Испании и Британии была возложена на Констанция; Галерий расположился лагерем на берегах Дуная, чтобы охранять иллирийские провинции; Италия и Африка считались уделом Максимиана, а Диоклетиан оставил на свою долю Фракию, Египет и богатые азиатские провинции. Каждый из них был полным хозяином на своей территории; но их совокупная власть простиралась на всю монархию, и каждый из них был готов помогать своим сотоварищам своими советами или личным присутствием. Цезари при своем высоком положении не переставали чтить верховную власть императоров, и все три младших монарха, обязанные своим положением Диоклетиану, всегда относились к нему с признательностью и покорностью. Между ними вовсе не было соперничества из-за власти, и это редкое согласие сравнивали с хором, в котором единство и гармония поддерживаются искусством главного артиста.

Эта важная мера была приведена в исполнение лишь по прошествии шести лет, после того как Максимиан был принят императором в сотоварищи; этот промежуток времени не был лишен достопамятных событий, но для большей ясности мы нашли более удобным сначала описать изменения, введенные Диоклетианом в систему управления, а потом уже изложить деяния его царствования, придерживаясь более естественного хода событий, нежели весьма неверной хронологической последовательности.

Первый подвиг Максимиана, – хотя писатели того времени упоминают о нем лишь в нескольких словах, – заслуживает за свою оригинальность быть занесенным на страницы истории человеческих нравов. Он укротил галльских крестьян, которые под именем багодов подняли знамя всеобщего восстания, очень похожего на те мятежи, которые в четырнадцатом столетии волновали и Францию, и Англию. Многие из тех учреждений, которые без надлежащих исследований относятся к феодальной системе, как кажется, вели свое начало от кельтских варваров. Когда Цезарь победил галлов, эта великая нация уже разделялась на три сословия – на духовенство, дворян и простой народ. Первое из них господствовало с помощью суеверий, второе с помощью оружия, а третье и последнее не имело никакого влияния на общественные дела. Весьма естественно, что плебеи, угнетаемые долгами и притеснениями, просили защиты

у какого-нибудь могущественного вождя, который приобретал над их личностью и собственностью такое же абсолютное право, какое у греков и римлян имел господин над своими рабами. Таким образом, большая часть нации была постепенно доведена до рабства, была принуждена работать на полях галльской аристократии и была прикована к почве или тяжестью настоящих цепей, или не менее жестокими и обязательными стеснениями, которые налагались на нее законами. В ходе длинного ряда мятежей, потрясших Галлию, в промежутке времени между царствованием Галлиена и царствованием Диоклетиана, положение этих крестьян-рабов было самое бедственное, и они должны были выносить тиранию и своих господ, и варваров, и солдат, и сборщиков податей.

Восстание крестьян Галлии. 287 г.

Страдания наконец довели их до отчаяния. Они стали восставать массами; вооружение их состояло из одних хозяйственных орудий, но их воодушевляла непреодолимая ярость. Землепашец становился пехотинцем, пастух садился на коня, покинутые жителями деревни и неукрепленные города предавались пламени, и опустошения, причиненные крестьянами, оказались не менее ужасными, чем те, которые совершались самыми свирепыми варварами. Они требовали для себя естественных человеческих прав, но эти требования сопровождались самыми варварскими жестокостями. Галльская аристократия, основательно боявшаяся их мщения, или укрывалась в укрепленных городах, или покидала страну, сделавшуюся театром анархии. Крестьяне господствовали бесконтрольно, и двое самых отважных вождей были так безрассудны или так опрометчивы, что возложили на себя знаки императорского достоинства. При приближении легионов их господство скоро прекратилось. Сила, соединенная с дисциплиной, легко восторжествовала над своевольной и разъединенной народной массой. Те из крестьян, которые были взяты с оружием в руках, были подвергнуты строгому наказанию; остальные разошлись в испуге по домам, а их безуспешная попытка приобрести свободу лишь закрепила их рабскую зависимость. Взрыв народных страстей обыкновенно бывает так силен и вместе с тем так однообразен, что, несмотря на бедность дошедших до нас сведений, мы могли бы описать подробности этой войны; но мы никак не расположены верить, что главные вожаки восстания Элиан и Аманд были христиане или что это восстание, подобно тому, которое вспыхнуло во времена Лютера, имело причиной употребление во зло тех благотворных христианских принципов, которые клонятся к признанию естественной свободы всего человеческого рода.

Восстание Караузия в Британии. 287 г.

Лишь только Максимиан успел вырвать Галлию из рук крестьян, он лишился Британии вследствие узурпации Караузия. Со времени опрометчивого, но успешного предприятия франков в царствование Проба их смелые соотечественники построили целые эскадры легких бригантин, на которых отправлялись опустошать провинции, омываемые океаном. Для отражения этих нашествий римляне нашли нужным завести морские силы, и это благоразумное намерение было приведено в исполнение со знанием дела и с энергией. Гессориак, или Булонь, расположенная на берегу Британского канала, была избрана императором для стоянки римского флота, а начальство над этим флотом было поручено Караузию, который хотя был самого низкого происхождения, но давно уже отличался своей опытностью в качестве кормчего и храбростью в качестве солдата. Но честность нового адмирала не стояла на одной высоте с его дарованиями. Когда германские пираты выходили из своих гаваней в море для грабежа, он давал им свободный пропуск, но останавливал их на обратном пути и отбирал в свою пользу всю награбленную ими добычу. Богатства, которые накопил таким способом Караузий, весьма

основательно считались доказательством его виновности, и Максимиан уже дал приказание предать его смертной казни. Но хитрец предвидел грозу и сумел избежать ожидавшей его кары. Своей щедростью он привязал к себе офицеров находившегося под его начальством флота и вошел в соглашение с варварами. Из булоньской гавани он переплыл в Британию, склонил на свою сторону легионы и вспомогательные войска, охранявшие этот остров, и, присвоив себе звание императора вместе с титулом Августа, поднял знамя мятежа против своего законного государя.

Когда Британия была таким образом оторвана от империи, римляне стали более ясно сознавать важность этой провинции и искренно сожалеть об ее утрате. Они стали превозносить и даже преувеличивать размеры этого прекрасного острова, наделенного от природы со всех своих сторон удобными гаванями; они стали восхвалять умеренность его климата и плодородие почвы, одинаково годной и для произрастания зерновых хлебов, и для разведения винограда, и дорогие минералы, которые там были в изобилии, и богатые пастбища, покрытые бесчисленными стадами, и леса, в которых не было ни диких зверей, ни ядовитых змей. А всего более они сожалели об огромных доходах, получавшихся из Британии, и признавались, что такая провинция стоит того, чтобы сделаться самостоятельной монархией. Семь лет она находилась во власти Караузия, и в течение всего этого времени фортуна не изменяла мятежнику, обладавшему и мужеством, и дарованиями. Британский император защитил границы своих владений от живших на севере каледонцев, выписал с континента множество искусных артистов и оставил нам медали, свидетельствующие об изяществе его вкуса и о его роскоши. Будучи родом из соседней с франками провинции, он искал дружбы этого сильного народа и старался льстить ему, перенимая его манеру одеваться и его нравы. Самых храбрых молодых людей этой национальности он принимал к себе на службу в армию и во флот, а в награду за доставляемые ему этим союзом выгоды сообщал варварам опасные познания в военном и морском деле. Караузий все еще удерживал в своей власти Булонь и окрестную страну. Его флоты победоносно разгуливали по каналу, господствовали над устьями Сены и Рейна, опустошали берега океана и распространяли славу его имени по ту сторону Геркулесовых столбов. Британия, которой было суждено сделаться в отдаленном будущем владычицей морей, уже заняла под его управлением свое естественное и почетное положение морской державы.

Тем, что Караузий захватил стоявший в Булони флот, он лишил своего повелителя возможности преследовать его и наказать. А когда после многолетних усилий римляне спустили на воду новый флот, непривычные к этому делу императорские войска были без большого труда разбиты опытными моряками узурпатора. Эта неудачная попытка привела к заключению мирного договора. Диоклетиан и его сотоварищ, основательно опасавшиеся предприимчивости Караузия, уступили ему господство над Британией и против воли допустили этого взбунтовавшегося подданного к участию в императорских почестях. Но усыновление двух Цезарей возвратило римской армии ее прежнюю энергию, и, в то время как рейнская граница охранялась Максимианом, его храбрый сотоварищ Констанций взял на себя ведение войны с Британией. Его первые усилия были направлены на важный укрепленный город Булонь. Он соорудил громадный мол поперек входа в гавань и тем лишил осажденных всякой надежды на помощь извне. После упорного сопротивления город сдался, и значительная часть морских сил Караузия досталась победителю. В течение трех лет, употребленных Константином на сооружение флота, достаточно сильного для завоевания Британии, он упрочил свою власть над берегами Галлии, проник в страну франков и лишил узурпатора возможности рассчитывать на помощь этих могущественных союзников.

Констанций вновь завладел Британией. 296 г.

Прежде, нежели приготовления были окончены, Констанций получил известие о смерти тирана, которое было принято за несомненное предзнаменование предстоящей победы. Приверженцы Караузия последовали данному им самим примеру измены. Он был убит своим первым министром Аллектом, и убийце достались в наследство и его власть, и его опасное положение. Но он не имел способностей Караузия ни для пользования властью, ни для борьбы с противником. Он с беспокойством и трепетом окидывал взором противоположный берег континента, где на каждом шагу видны были военные снаряды, войска и корабли, так как Констанций имел благоразумие так рассыпать свои военные силы, что неприятель никак не мог догадаться, с какой стороны будет совершено нападение. Наконец, нападение было сделано главной эскадрой, которая находилась под начальством отличного офицера, – префекта Асклепиодата и была собрана близ устья Сены. Искусство мореплавания стояло в ту пору на такой низкой ступени, что ораторы восхваляли отважное мужество римлян, пустившихся в море при боковом ветре и в бурную погоду. Но погода оказалась благоприятной для их предприятия. Под прикрытием густого тумана они увернулись от кораблей, поставленных Аллектом у острова Уайта с целью загородить им путь, высадились благополучно на западном берегу Британии и доказали ее жителям, что превосходство морских сил не всегда может предохранить их страну от неприятельского нашествия. Лишь только все императорские войска высадились на берег, Асклепиодат сжег свои корабли, а так как его экспедиция оказалась удачной, то его героическим поступком все восхищались. Узурпатор занимал позицию подле Лондона в ожидании нападения со стороны Констанция, принявшего личное начальство над булонским флотом; но высадка нового врага потребовала его немедленного присутствия на Западе. Он совершил этот длинный переход с такой торопливостью, что встретился с главными силами префекта, имея при себе лишь небольшой отряд измученных и упавших духом войск. Сражение скоро кончилось совершенным поражением и смертью Аллекта: одна битва, как это не раз случалось, решила судьбу этого обширного острова, и когда Констанций высадился на берегах Кента, он был встречен толпами послушных подданных. Их радостные возгласы были громки и единодушны, а добродетели победителя заставляют нас верить, что они искренно радовались перевороту, который после десятилетнего разъединения снова восстановил связь Британии с Римской империей.

Защита границ

Британия могла опасаться лишь внутренних врагов, и, пока ее губернаторы оставались верными императору, а войска соблюдали дисциплину, вторжения полунагих шотландских и ирландских дикарей не могли считаться серьезной угрозой для безопасности острова. Сохранение спокойствия на континенте и оборона больших рек, служивших границами для империи, были и более трудны, и более важны. Политика Диоклетиана, служившая руководством и для его сотоварищей, заключалась в том, что для сохранения общественного спокойствия он старался возбуждать раздоры между варварами и усиливал укрепления, оберегавшие римские границы. На Востоке он устроил ряд лагерей, простиравшийся от Египта до персидских владений, и для каждого лагеря назначил достаточный постоянный гарнизон, который находился под командой особого офицера и снабжался всякого рода оружием из арсеналов, только что устроенных императором в Антиохии, Эмезе и Дамаске. Не менее предусмотрительны были меры, принятые императором против столько раз испытанной на деле храбрости европейских варваров. От устья Рейна и до устья Дуная все старинные лагеря, города и цитадели были тщательно укреплены, а в самых опасных местах были с большим искусством построены новые укрепления.

ния; в пограничных гарнизонах была введена самая неусыпная бдительность и были сделаны всевозможные приспособления, чтобы придать этой длинной линии укреплений прочность и непроницаемость. Варварам редко удавалось прорваться сквозь эту сильную преграду, и они с досады нередко изливали свою ярость одни на других. Готы, вандалы, гепиды, бургунды и алеманны взаимно ослабляли друг друга непрерывными войнами, и, кто бы из них ни одерживал верх, побежденными всегда были враги Рима. Подданные Диоклетиана наслаждались этим кровавым зрелищем и поздравляли друг друга с тем, что бедствия междоусобной войны составляют удел одних только варваров.

Несмотря на свое искусное управление, Диоклетиан не всегда был в состоянии сохранить ничем не нарушаемое спокойствие в течение своего двадцатилетнего царствования и вдоль границы, простиравшейся на несколько сот миль. Случалось, что варвары прекращали свои внутренние раздоры, случалось также, что они успевали силой или хитростью прорваться сквозь цепь укреплений вследствие оплошности гарнизонов. Всякий раз, когда они вторгались в римские провинции, Диоклетиан вел себя с тем спокойным достоинством, которое он всегда старался выказывать или которым он, может быть, и в самом деле обладал; он сам появлялся на месте действия только в тех случаях, которые были достойны его личного присутствия; он без особенной необходимости никогда не подвергал опасности ни самого себя, ни свою репутацию; он обеспечивал себе успех всеми способами, какие только могла внушать предусмотрительность, и выставлял в самом ярком свете результаты своих побед. В войнах, которые были более трудны и исход которых был более сомнителен, он употреблял в дело суровое мужество Максимиана, а этот преданный солдат приписывал свои собственные победы мудрым советам и благотворному влиянию своего благодетеля. Однако после усыновления двух Цезарей сами императоры взяли себе менее опасную сферу деятельности, а защиту Дуная и Рейна поручили усыновленным ими генералам. Бдительный Галерий ни разу не столкнулся с необходимостью побеждать варваров на римской территории. Храбрый и деятельный Констанций спас Галлию от страшного нашествия алеманнов, а его победы при Лангре и Виндониссе, как кажется, были результатом таких битв, в которых он подвергался большим опасностям и в которых он выказал большие дарования. В то время как он проезжал по открытой местности в сопровождении небольшого отряда телохранителей, он был внезапно окружен многочисленными неприятельскими силами. Он с трудом добрался до Лангра, но среди общего смятения граждане отказались отворить ворота, и раненый государь был поднят на городскую стену при помощи веревок. Но когда римские войска узнали о его затруднительном положении, они со всех сторон поспешили к нему на помощь, и в тот же день вечером он восстановил честь своего оружия и отмстил за себя, положив на поле сражения шесть тысяч алеманнов. Из дошедших до нас исторических памятников того времени, быть может, можно было бы извлечь туманные сведения о нескольких других победах над сарматскими и германскими варварами; но скучные розыски этого рода не были бы вознаграждены ни чем-либо интересным, ни чем-либо поучительным.

В том, что касалось обхождения с побежденными, и Диоклетиан, и его сотоварищи следовали примеру императора Проба. Взятых в плен варваров заставляли менять смерть на рабство: их распределяли между жителями провинций, выбирая при этом преимущественно те местности, которые обезлюдели вследствие бедствий, причиненных войной. В Галлии были назначены для них территории Амьена, Бовэ, Камбрэ, Трира, Лангра и Труа. На них обыкновенно возлагали надзор за стадами и земледельческие работы; но употребление оружия было им воспрещено, кроме тех случаев, когда находили нужным вербовать их на военную службу. Тем из варваров, которые сами искали римского покровительства, императоры давали земли на условиях менее рабской зависимости; они также отвели поселения для нескольких колоний карпов, бастарнов и сарматов и по неблагоразумной снисходительности позволили им сохранить в некоторой мере их национальные нравы и самостоятельность. Жители провинций находили лестное для себя удовольствие в том, что варвары, еще недавно внушавшие им такой

страх, теперь возделывали их поля, водили их домашний скот на соседнюю ярмарку и содействовали своим трудом развитию общего благосостояния. Они восхваляли своих правителей за столь значительное приращение подданных и солдат, но опускали из виду то обстоятельство, что этим путем правительство водворяло в самом центре империи множество тайных врагов, из которых одни были заносчивы вследствие полученных ими милостей, а другие были готовы на всякое отчаянное предприятие вследствие угнетений.

Войны в Африке и Египте. 296 г.

В то время как Цезари упражняли свои военные дарования на берегах Рейна и Дуная, в южных провинциях империи потребовалось присутствие самих императоров. Вся Африка от берегов Нила до Атласских гор была охвачена восстаниями. Пять мавританских народов вышли из своих степей и соединенными силами напали на мирные провинции. Юлиан принял звание императора в Карфагене, а Ахиллей – в Александрии; даже блеммии возобновили или, вернее, продолжали свои вторжения в Верхний Египет. До нас не дошло почти никаких подробностей о военных подвигах Максимиана в западных частях Африки, но, судя по результатам его похода, можно полагать, что его успехи были быстры и решительны, что он победил самых свирепых мавританских варваров и что он вытеснил их с гор, недоступность которых внушала их обитателям безграничную самоуверенность и приучила их к грабежу и насилиям. Со своей стороны Диоклетиан открыл кампанию против Египта осадой Александрии; он пересек водопроводы, которые снабжали водами Нила каждый квартал этого огромного города, и, укрепив свой лагерь так, чтобы можно было не бояться вылазок со стороны осажденных, он повел атаку с осторожностью и с энергией. После восьмимесячной осады разоренная мечом и огнем Александрия стала молить победителя о пощаде; но его строгость обрушилась на нее всей своей тяжестью. Несколько тысяч граждан погибли среди общей резни, и во всем Египте было мало таких провинившихся в восстании людей, которые избежали бы смертного приговора, или, по меньшей мере, ссылки. Участь, постигшая Бусирис и Копт, была еще печальнее участи Александрии; эти два прекрасных города, – первый из которых отличался своей древностью, а второй обогатился благодаря тому, что через него шла торговля с Индией, – были совершенно разрушены по приказанию Диоклетиана. Для такой чрезмерной строгости можно найти оправдание только в том, что египетская нация по своему характеру не была способна ценить кроткое обхождение, но была чрезвычайно доступна чувству страха. Восстания Александрии уже много раз нарушали спокойствие самого Рима, затрудняя для него доставку получавшихся оттуда припасов. Верхний Египет, беспрестанно вовлекавшийся в восстания после узурпации Фирма, вступил в союз с эфиопскими дикарями. Блеммии, рассеянные между островом Мероэ и Красным морем, были незначительны числом, не были воинственны по своему характеру, а оружие, которое они употребляли, было грубо и не страшно. А между тем эти варвары, почти не считавшиеся древними народами за человеческие существа по причине своей уродливой наружности, постоянно принимали участие во всяких беспорядках и осмеливались причислять себя к числу врагов Рима. Таковы были недостойные союзники египтян, всегда готовые нарушить спокойствие этой провинции, в то время как внимание римского правительства было занято более серьезными войнами. С целью противопоставить блеммиям способных бороться с ними врагов Диоклетиан убедил нобатов, – одно племя, жившее в Нубии, – покинуть их прежние жилища в ливийских степях и отдал им обширную, но бесполезную для государства территорию по ту сторону города Сиены и нильских водопадов с тем условием, что они будут охранять границы империи. Этот договор долго оставался в силе, и пока с введением христианства не распространились более определенные понятия о религиозном поклонении, он ежегодно был снова утверждаем торжественным жертвоприношением, которое совершалось

на острове Элефантин и при котором римляне и варвары преклонялись перед одними и теми же видимыми или невидимыми владыками Вселенной.

В то же самое время как Диоклетиан наказывал египтян за их прошлые преступления, он обеспечивал их будущее спокойствие и благосостояние мудрыми постановлениями, которые были подтверждены и усилены в последующие царствования. Он, между прочим, издал один замечательный эдикт, который не следует осуждать как продукт боязливой тирании, а следует одобрять как полезный акт благоразумия и человеколюбия. Он приказал тщательно отобрать все старинные книги, в которых шла речь об удивительном искусстве делать золото и серебро, и без всякого милосердия предал их пламени; он, как уверяют, опасался, что богатство египтян внушит им смелость снова взбунтоваться против империи. Но если бы Диоклетиан действительно был убежден в существовании такого ценного искусства, он не стал бы уничтожать его, а обратил бы его применение на пользу государственной казны. Гораздо более правдоподобно, что его здравый смысл усмотрел безрассудство таких заманчивых притязаний, и что он хотел предохранить рассудок и состояние своих подданных от такого занятия, которое могло быть для них пагубно. Впрочем, следует заметить, что хотя эти старинные книги и приписывались или Пифагору, или Соломону, или Гермесу, они на самом деле были продуктом благочестивого подлога со стороны позднейших знатоков алхимии. Греки не увлекались ни применением химии, ни злоупотреблениями, для которых она могла служить орудием. В том огромном списке, куда Плиний внес открытия, искусства и заблуждения человеческого рода, нет ни малейшего упоминания о превращении металлов, а преследование со стороны Диоклетиана есть первый достоверный факт в истории алхимии. Завоевание Египта арабами способствовало распространению этой пустой науки по всему земному шару. Так как она была в сродстве со свойственным человеку корыстолюбием, то ее изучали с одинаковым рвением и с одинаковым успехом и в Китае, и в Европе. Средневековое невежество обеспечивало всякому неправдоподобному рассказу благоприятный прием, а возрождение наук дало новую пищу надеждам и познакомило с более благовидными способами обмана. Наконец, философия с помощью опыта положила конец изучению алхимии, а наш собственный век, хотя и жаждет к богатству, но стремится к нему более скромным путем торговли и промышленности.

Персидская война

Немедленно вслед за покорением Египта была предпринята война с Персией. Царствованию Диоклетиана суждено было сломить могущество этой нации и заставить преемников Артаксеркса преклониться перед величием Римской империи.

Мы уже имели случай заметить, что в царствование Валериана персы завладели Арменией частью коварством, частью силой оружия и что после умерщвления Хосроя малолетний наследник престола, сын его Тиридат, спасся благодаря преданности своих друзей и был воспитан под покровительством императоров. Тиридат вынес из своего изгнания такую пользу, какой он никогда не мог бы приобрести на армянском престоле, — он с ранних лет познакомился с несчастьем, с человеческим родом и с римской дисциплиной. В своей молодости он отличался храбростью и необыкновенной ловкостью и силой как в воинских упражнениях, так и в менее достойных состязаниях Олимпийских игр. Он сделал более благородное употребление из этих достоинств, вступившись за своего благодетеля Лициния. Во время мятежа, окончившегося смертью Проба, этот офицер подвергался самой серьезной опасности, так как рассвирепевшие солдаты уже устремились к его палатке; тогда армянский принц один без посторонней помощи удержал солдат и тем спас жизнь Лициния. Вскоре вслед за тем признательность Тиридата содействовала восстановлению его права на престол. Лициний всегда был другом и товарищем Галерия, а достоинства Галерия еще задолго до его возведения в звание Цезаря обеспечили ему уважение Диоклетиана. На третьем году царствования этого императора Тиридат был воз-

веден в звание короля Армении. Справедливость этой меры была столь же очевидна, как и ее польза. Пора уже было вырвать из рук персидского монарха важную территорию, которая со времени царствования Нерона всегда предоставлялась – под римским покровительством – во владение младшей линии рода Аршакидов.

Тиридат в Армении. 286 г.

Когда Тиридат появился на границах Армении, он был встречен непритворными выражениями радости и преданности. В течение двадцати шести лет эта страна выносила все – и настоящие, и воображаемые неприятности чужестранного господства. Персидские монархи украшали завоеванную страну великолепными зданиями; но эти здания строились на деньги народа и внушали отвращение, потому что служили свидетельством рабской зависимости. Опасение мятежа вызывало самые суровые меры предосторожности; к угнетению присоединялись оскорбления, и победитель, сознавая всеобщую к нему ненависть, принимал такие меры, которые делали эту ненависть еще более непримиримой. Мы уже говорили о духе нетерпимости, которым отличалась религия магов. Завоеватели из религиозного усердия разбили в куски статуи причисленных к богам королей Армении и священные изображения солнца и луны, а на алтаре, воздвигнутом на вершине горы Багавана, зажгли и поддерживали вечный огонь в честь Ормузда. Понятно, что народ, доведенный до отчаяния столькими оскорблениями, с жаром взялся за оружие для защиты своей независимости, своей религии и своего наследственного монарха. Поток народного восстания ниспроверг все препятствия, и персидские гарнизоны отступили перед его яростным напором. Армянская аристократия стеклась под знамена Тиридата; указывая на свои прошлые заслуги и предлагая свое содействие в будущем, она искала у нового короля тех отличий и наград, от которых ее с презрением отстраняло чужеземное правительство. Командование армией было вверено Артавасду, отец которого спас юного Тиридата и семейство которого поплатилось жизнью за этот великодушный подвиг. Брат Артавасда был назначен губернатором одной провинции. Одна из высших военных должностей была возложена на отличавшегося необыкновенным хладнокровием и мужеством сатрапа Отаса, предложившего королю свою сестру и значительные сокровища, которые он уберег от жадности персов в одной из отдаленных крепостей. В среде армянской аристократии появился еще один союзник, судьба которого так замечательна, что мы не можем не остановить на ней нашего внимания. Имя его было Мамго; по происхождению он был скиф, а орда, признававшая над собой его власть, жила за несколько лет перед тем на окраине Китайской империи, которая простиралась в то время до окрестностей Согдианы. Навлекши на себя гнев своего повелителя, Мамго удалился со своими приверженцами на берега Окса и просил покровительства у Сапора. Китайский император потребовал выдачи перебежчика, ссылаясь на свои верховные права. Персидский монарх сослался на правила гостеприимства и не без труда избежал войны, дав обещание, что он удалит Мамго на самые отдаленные западные окраины, и уверяя, что такое наказание не менее страшно, чем сама смерть. Местом изгнания была выбрана Армения, и скифской орде была отведена довольно обширная территория, на которой ей было позволено пасти свои стада и переносить свои палатки с одного места на другое сообразно с переменами времен года. Ей было приказано воспротивиться вторжению Тиридата, но ее вождь, взвесив полученные им от персидского монарха одолжения и обиды, решился перейти на сторону его противника. Армянский государь, очень хорошо понимавший, какую цену имеет помощь такого способного и могущественного союзника, как Мамго, обошелся с ним чрезвычайно вежливо и, удостоив его своего доверия, приобрел в нем храброго и верного слугу, много содействовавшего возвращению ему престола.

В течение некоторого времени счастье, по-видимому, благоприятствовало предприимчивости и мужеству Тиридата. Он не только очистил всю Армению от врагов своего семейства

и своей родины, но, подстрекаемый жадой мщения, перенес войну в самое сердце Сирии, или, по меньшей мере, проник туда в своих набегах. Историк, сохранивший имя Тиридата от забвения, восхваляет с некоторой примесью национального энтузиазма его личные доблести и в духе восточных сказочников рассказывает о гигантах и слонах, павших от его непобедимой руки. Но из других источников мы узнаем, что король Армении был отчасти обязан своими успехами внутренним смутам, раздиравшим в то время персидскую монархию. Два брата оспаривали друг у друга персидский престол, а когда один из них, по имени Гормуц, убедился, что его партия недостаточно сильна для борьбы, он прибегнул к опасной помощи варваров, живших на берегах Каспийского моря. Но междоусобная война окончилась, неизвестно, победой или примирением, и всеми признанный за короля Персии Нарзес направил все свои силы против внешнего врага. Тогда борьба сделалась слишком неравной, и храбрость героя уже не могла противостоять могуществу монарха. Вторично свергнутый с престола Армении Тиридат снова нашел себе убежище при дворе римских императоров. Нарзес скоро восстановил свое господство над взбунтовавшейся провинцией и, громко жалуясь на покровительство, оказанное римлянами бунтовщикам и перебежчикам, предпринял завоевание всего Востока.

Поражение римлян. 296 г.

Ни благоразумие, ни честь не позволяли императорам отказаться от защиты армянского короля, и потому было решено употребить в дело все силы империи для войны с Персией. Со своим обычным спокойствием и достоинством Диоклетиан избрал местом своего пребывания Антиохию, чтобы оттуда готовить и направлять военные действия. Начальство над легионами было вверено неустрашимой храбрости Галерия, который с этой целью был переведен с берегов Дуная на берега Евфрата. Обе армии скоро встретились на равнинах Месопотамии, и между ними произошли два сражения, не имевшие никакого серьезного результата; но третья встреча имела более решительные последствия, так как римская армия была совершенно разбита. Причину этой неудачи приписывали опрометчивости Галерия, который напал с незначительным отрядом на бесчисленные полчища персов. Но знакомство с местностью, которая была сценой действия, заставляет думать, что его поражение произошло от другой причины. То самое место, на котором был разбит Галерий, уже приобрело известность тем, что там погиб Красс и были истреблены десять легионов. Это была гладкая равнина, простиравшаяся более чем на шестьдесят миль от возвышенностей Карры до Евфрата и представлявшая ровную и голую песчаную степь, на которой не было ни одного пригорка, ни одного деревца и ни одного источника свежей воды. Тяжелая римская пехота, изнемогавшая от жары и от жажды, не могла рассчитывать на победу, не покидая своих рядов; но она не могла разорвать свои ряды, не подвергая себя самой неминуемой опасности. В то время как она находилась в таком затруднительном положении, она была окружена более многочисленными неприятельскими силами; тем временем кавалерия варваров беспрестанно тревожила ее своими быстрыми эволюциями и уничтожала ее своими стрелами. Король Армении выказал в этой битве свою храбрость и среди общего несчастья покрыл себя славой. Неприятель преследовал его до Евфрата; его лошадь была ранена, и ему, по-видимому, не оставалось никакой надежды на спасение. В этой крайности Тиридат прибегнул к единственному способу спасения, какой казался возможным: он соскочил с лошади и бросился в реку. На нем были тяжелые воинские доспехи, а река была глубока и в этом месте имела в ширину по меньшей мере полмили; однако таковы были его сила и ловкость, что он благополучно достиг противоположного берега. Что касается римского генерала, то нам не известно, каким образом ему удалось спастись; но нам известно, что когда он возвратился в Антиохию, Диоклетиан принял его не с участием друга и сотоварища, а с негодованием разгневанного монарха. Этот до крайности высокомерный человек был до такой степени унижен в собственных глазах сознанием своей вины и своего несчастья, что, покоря-

ясь воле Диоклетиана, шел в императорской мантии пешком за его колесницей более мили и таким образом выказал перед всем двором свой позор. После того как Диоклетиан удовлетворил свое личное гневное раздражение и поддержал достоинство верховной власти, он склонился на смиренные мольбы Цезаря и дозволил ему попытаться восстановить как свою собственную честь, так и честь римского оружия. Изнеженные азиатские войска, которые скорее всего были задействованы в первой экспедиции, были заменены новой армией, составленной из ветеранов и из набранных на иллирийской границе рекрутов, и сверх того был принят на императорскую службу значительный отряд готских вспомогательных войск.

Во главе избранной армии из двадцати пяти тысяч человек Галерий снова перешел Евфрат; вместо того чтобы подвергать свои легионы опасностям перехода через голые равнины Месопотамии, он двинулся вперед через горы Армении, где нашел преданное Риму население и местность, столько же удобную для действий пехоты, сколько она была неудобна для действий кавалерии. Несчастье еще более укрепило римскую дисциплину, тогда как возгордившиеся своим успехом варвары сделались столь небрежны и нерадивы, что в ту минуту, когда они всего менее этого ожидали, они были застигнуты врасплох деятельным Галерием, который в сопровождении только двух кавалеристов собственными глазами осмотрел состояние и расположение их лагеря. Нападение врасплох, в особенности если оно происходило в ночное время, почти всегда оказывалось губительным для персидской армии. Персы имели обыкновение не только привязывать своих лошадей, но также связывать им ноги для того, чтобы они не могли убежать; а когда случалась тревога, перс, прежде чем быть в состоянии сесть верхом на лошадь, должен был укрепить на ней чепрак, надеть на нее узду, а на самого себя латы. Поэтому неудивительно, что стремительное нападение Галерия причинило в лагере варваров беспорядок и смятение. За легким сопротивлением последовала страшная резня, и среди общего смятения раненый монарх (так как Нарзес лично командовал своими армиями) обратился в бегство в направлении к мидийским степям. В его палатках и в палатках его сатрапов победитель захватил громадную добычу, и нам рассказывают один случай, доказывающий, в какой мере грубые, хотя и воинственные легионы были мало знакомы с изящными предметами роскоши. Сумка, сделанная из глянцевиной кожи и наполненная жемчугом, попала в руки простого солдата; он тщательно сберегал сумку, но выбросил все, что в ней было, полагая, что то, что не годится для какого-либо употребления, не может иметь никакой стоимости. Но главная потеря Нарзеса была из числа тех, которые всего более чувствительны для человеческого сердца. Многие из его жен, сестер и детей, сопровождавших его армию, были взяты в плен победителем. Впрочем, хотя характер Галерия вообще имел очень мало сходства с характером Александра, он после своей победы принял за образец обхождения македонского героя с семейством Дария. Жены и дети Нарзеса были защищены от всякого насилия и грабежа; их отправили в безопасное место и с ними обходились с тем уважением и вниманием, какие был обязан оказывать великодушный враг их возрасту, полу и королевскому достоинству.

В то время как Восток тревожно ожидал исхода этой великой борьбы, император собрал в Сирии сильный обсервационный корпус, сосредоточил на некотором расстоянии от театра военных действий громадные ресурсы Римской империи и берег свои силы для неожиданных случайностей войны. Получив известие о победе, он приблизился к границе с целью умерить гордость Галерия своим присутствием и своими советами. Свидание римских государей в Низибе сопровождалось всевозможными выражениями почтения с одной стороны и уважения – с другой. В этом же городе они вскоре вслед за тем давали аудиенцию послам великого короля. Могущество Нарзеса или, по меньшей мере, его высокомерие было сломлено поражением, и он полагал, что немедленное заключение мира было единственным средством, которое могло остановить дальнейшие успехи римского оружия. На пользовавшегося его милостями и доверием Афарбана он возложил поручение вести переговоры о мире или, правильнее сказать, принять все те мирные условия, какие будут предписаны победителем. Афарбан начал с того,

что выразил признательность своего господина за великодушное обхождение с королевским семейством и просил об освобождении этих именитых пленников. Он восхвалял храбрость Галерия, стараясь не унижать репутации Нарзеса, и не считал за стыд признать превосходство победоносного Цезаря над таким монархом, который затмил своей славой всех других государей своего рода. Несмотря на то, сказал он, что дело персов правое, он уполномочен предоставить настоящий спор решению самих императоров и вполне убежден, что среди своего благополучия они не забудут, как превратна фортуна. Афарбан закончил свою речь аллегорией в восточном вкусе: монархии, римская и персидская, – это два ока Вселенной, которая осталась бы несовершенной и обезображенной, если бы одно из них было вырвано.

Персам не пристало (возразил Галерий в порыве гнева, от которого, по-видимому, судорожно тряслись все его члены) толковать о превратностях фортуны и спокойно наставлять нас в правилах умеренности. Пусть они припомнят, с какой умеренностью они обошлись с несчастным Валерианом. Они захватили его при помощи вероломства и обходились с ним самым недостойным образом. Они держали его до последней минуты его жизни в постыдном плену, а после его смерти выставили его труп на вечный позор. Затем Галерий, смягчая тон, сказал послам, что римляне никогда не имели обыкновения попираť ногами побежденного врага и что в настоящем случае они будут руководствоваться скорее тем, чего требует их собственное достоинство, нежели тем, на что дает им право прежнее поведение персов. Он отпустил Афарбана, обнадежив его, что Нарзес скоро будет уведомлен, на каких условиях он может получить от милосердия императоров прочный мир и свободу своих жен и детей. Это совещание доказывает нам, как необузданны были страсти Галерия и вместе с тем как велико было его уважение к высокой мудрости и авторитету Диоклетиана. Его честолюбие влекло его к завоеванию Востока, и он предлагал обратить Персию в римскую провинцию. Но благоразумный Диоклетиан, придерживавшийся умеренной политики Августа и Антонинов, предпочел воспользоваться удобным случаем, чтобы окончить удачную войну почетным и выгодным миром.

Во исполнение своего обещания императоры вскоре вслед за тем командировали одного из своих секретарей, Сикория Проба, с поручением сообщить персидскому двору об их окончательном решении. В качестве посла, приехавшего для мирных переговоров, он был принят со всевозможными изъявлениями внимания и дружбы, но под предлогом, что после столь длинного путешествия ему необходим отдых, аудиенция откладывалась с одного дня на другой; Проб был вынужден следовать за королем в его медленных переездах и наконец был допущен к личному с ним свиданию близ реки Аспруда в Мидии. Тайный мотив, побудивший Нарзеса так долго откладывать аудиенцию, заключался в желании выиграть время, чтобы собрать такие военные силы, которые при его искреннем желании мира, дали бы ему возможность вести переговоры с большим весом и достоинством. Только три лица присутствовали при этом важном совещании – министр Афарбан, префект гвардии и один офицер, командовавший на границах Армении. Первое условие, предложенное послом, для нас не совсем понятно: он потребовал, чтобы город Низиб был назначен местом взаимного обмена товаров, или, другими словами, чтобы он служил перевалочным пунктом для торговли между двумя империями. Нетрудно понять, что римские монархи желали увеличить свои доходы путем обложения товаров какими-нибудь пошлинами; но так как Низиб находился внутри их собственных владений и так как они были полными хозяевами и над ввозом, и над вывозом товаров, то казалось бы, что обложение пошлинами должно было составлять предмет внутреннего законодательства, а не договора с иностранным государством. Может быть, из желания придать такому обложению более целесообразности, они потребовали от персидского короля таких обязательств, которые были противны его интересам или его достоинству и которых он не соглашался взять на себя. Так как это была единственная статья, которую он не захотел подписать, то на ней и настаивали долее: императоры или предоставили торговлю ее естественному течению, или удовольствовались такими пошлинами, которые они могли налагать своей собственной властью.

Как только это затруднение было улажено, между обеими нациями был заключен формальный мирный договор. Условия трактата, столь славного для империи и столь необходимого для Персии, заслуживают особого внимания ввиду того, что история Рима представляет нам чрезвычайно мало сделок подобного рода; ведь его войны большей частью оканчивались безусловным присоединением завоеванных стран или же велись против варваров, которым не было знакомо искусство письма. I. Река Абора, или, как ее называет Ксенофонт, Аракс, была назначена границей между двумя монархиями. Эта река, берущая свое начало неподалеку от Тигра, принимала в себя в нескольких милях ниже Низиба воды небольшой речки Мигдони, протекала под стенами Сингары и впадала в Евфрат при Цирцезии – пограничном городе, который был очень сильно укреплен благодаря заботам Диоклетиана. Месопотамия, которая была виной стольких войн, была уступлена империи, и персы отказались по мирному договору от всяких притязаний на эту обширную провинцию. II. Они уступили римлянам пять провинций по ту сторону Тигра. Эти провинции уже по самому своему положению могли служить полезным оплотом, но их натуральная сила была вскоре еще увеличена искусством и военным знанием. Четыре из них, лежавшие к северу от реки, были малоизвестны и незначительны своим объемом, а именно: Интилина, Забдицена, Арзанена и Моксоэна; но к востоку от Тигра империя приобрела обширную и гористую территорию Кардуэна, бывшую в древности отечеством тех кардухиев, которые в течение многих веков умели сохранить свою независимость посреди окружавших их азиатских деспотических монархий. Знаменитые десять тысяч греков проходили их страну после тяжелого семидневного отступления или, вернее, после семидневного сражения, и по признанию их вождя, так прекрасно описавшего это отступление, они пострадали от стрел кардухиев гораздо больше, чем от всех военных сил великого короля. Их потомки курды, сохранившие лишь с небольшим изменением их имя и нравы, до сих пор пользуются свободой под номинальным верховенством турецкого султана. III. Само собой разумеется, что верный союзник римлян Тиридат был снова возведен на прародительский престол и что верховная власть императоров над Арменией была вполне обеспечена трактатом. Пределы Армении были расширены до крепости Синфы в Мидии, и это увеличение владений Тиридата было скорее актом справедливости, нежели актом великодушия. Из упомянутых уже провинций, лежавших по ту сторону Тигра, первые четыре были отторгнуты от Армении парфянами, а когда римляне приобрели их по мирному договору, они потребовали от узурпаторов, чтобы они вознаградили их союзника уступкой обширной и плодородной Атропатены. Главный город этой провинции, занимавший почти такое же положение, как новейший Таврис, нередко служил для Тиридата резиденцией, а так как он иногда назывался Экбатаной, то Тиридат стал строить там здания и укрепления по образцу великолепной столицы мидян. IV. Иберия была бесплодной страной, а ее жители были грубы и свирепы, но они были привычны к войне и отделяли империю от варваров, еще более свирепых и опасных. В их руках находились узкие ущелья Кавказских гор и от них зависело, пропускать или не пропускать кочующие сарматские племена, когда жажда добычи внушала этим варварам желание проникнуть в более богатые южные страны. Право назначать королей Иберии, предоставленное персидским монархом римским императорам, способствовало упрочению римского могущества в Азии. Восток пользовался полным спокойствием в течение сорока лет, и мирный договор между двумя монархиями-соперницами строго соблюдался до самой смерти Тиридата; тогда владычество над Древним миром перешло в руки нового поколения, руководствовавшегося иными целями и иными страстями, и тогда внук Нарзеса предпринял против государей из дома Константина продолжительную и достопамятную войну.

Триумф Диоклетиана и Максимиана. 303 г.

Таким образом, трудная задача спасения империи от тиранов и от варваров была окончательно исполнена целым рядом иллирийских крестьян, возвысившихся до императорского престола. Как только Диоклетиан вступил в двадцатый год своего царствования, он отпраздновал эту достопамятную дату и успехи своего оружия блестящим триумфом. Только один Максимиан как равный ему по положению разделил с ним славу этого дня. Два Цезаря сражались и побеждали, но достоинство их подвигов приписывалось, согласно со строгими правилами того времени, благотворному влиянию их отцов и императоров. Триумф Диоклетиана и Максимиана, быть может, был не так великолепен, как триумфы Аврелиана и Проба, но он имел преимущества более блестящей славы и более блестящего счастья. Африка и Британия, Рейн, Дунай и Нил доставили свои трофеи для триумфа, но самым лучшим его украшением была победа над персами, сопровождавшаяся важными территориальными приобретениями. Впереди императорской колесницы несли изображения рек, гор и провинций; а изображения пленных жен, сестер и детей великого короля доставляли тщеславной толпе новое для нее и приятное зрелище. Впрочем, в глазах потомства этот триумф замечателен еще другим, хотя и менее лестным отличием. Это был последний триумф, какой видели римляне. Вскоре после того императоры перестали побеждать, и Рим перестал быть столицей империи.

Место, на котором был построен Рим, было освящено старинными религиозными церемониями и воображаемыми чудесами. Каждая часть города будто одушевлялась присутствием какого-нибудь бога или воспоминанием о каком-нибудь герое, а Капитолию было обещано господство над всем миром. Римские уроженцы чувствовали на себе и сознавали влияние этой приятной иллюзии, которая досталась им от предков, укреплялась в них вместе с привычками детства и в некоторой мере поддерживалась в них убеждением в ее политической пользе. Форма правления и местопребывание правительственной власти были так тесно связаны между собой, что, казалось, невозможно изменить второе, не уничтожив первой. Но верховенство столицы постепенно уничтожалось обширностью завоеваний; провинции достигали одного с ней уровня, а побежденные народы приобретали название и привилегии римлян, не впитав в себя их местных привязанностей. Тем не менее и некоторые остатки старой конституции, и сила привычки в течение долгого времени поддерживали достоинство Рима. Даже те императоры, которые по своему происхождению были африканцы или иллирийцы, уважали в усыновившей их стране средоточие своего могущества и центр своих обширных владений. Ход военных действий нередко требовал их присутствия на границах империи, но Диоклетиан и Максимиан были первые римские монархи, избравшие в мирное время своим постоянным местопребыванием провинции, и хотя их образ действий, быть может, был внушен личными мотивами, его нетрудно было оправдать весьма вескими политическими соображениями. Двор западного императора пребывал большей частью в Милане, потому что этот город, благодаря своему положению у подошвы Альп, был более Рима удобен для наблюдения за движениями германских варваров. Милан скоро сравнялся великолепием с первоклассными городами империи; его дома были также многочисленны и хорошо построены, а его жители также благовоспитанны и образованны. Цирк, театр, монетный двор, дворец, бани, носившие имя своего основателя Максимиана, портики, украшенные статуями, и двойной ряд городских стен – все это содействовало украшению новой столицы, которая, по-видимому, не много теряла даже от своей близости к Риму. Диоклетиан, желая, чтобы и его резиденция могла соперничать с Римом, употреблял свое свободное время и сокровища Востока на украшение города Никомедии, находившегося на границе между Европой и Азией почти на одинаковом расстоянии и от Дуная, и от Евфрата. По вкусу монарха и на деньги народа Никомедия достигла в несколько лет такого великолепия, которое, по-видимому, требовало вековых усилий, и уступала своим

объемом и числом жителей только Риму, Александрии и Антиохии. Жизнь Диоклетиана и Максимиана была очень деятельна, и большую ее часть они провели в лагерях или в продолжительных и частых походах; но всякий раз, как им представлялась возможность отдохнуть от бремени государственных забот, они с удовольствием отправлялись в свои любимые резиденции – Никомедию и Милан. Очень сомнительно, посетил ли Диоклетиан хоть раз древнюю столицу империи до того дня, когда он праздновал там свой триумф на двадцатом году своего царствования. Даже по этому достопамятному случаю он пробыл там не более двух месяцев. Ему не нравилась своевольная фамильярность народа, и он с поспешностью покинул Рим за тринадцать дней перед тем, как он должен был явиться в сенат облеченным в отличия консульского звания.

Унижение Рима и сената

Нерасположение, которое Диоклетиан выказывал к Риму и к римской свободе, не было следствием минутного каприза, а было результатом очень хитрых политических соображений. Этот искусный монарх задумал ввести новую систему управления, которая была впоследствии усовершенствована семейством Константина, а так как сенат свято хранил призрак старой конституции, то он решился отнять у этого собрания последние остатки власти и влияния. Следует припомнить, как значительно было скоропреходящее величие сената и как велики были его честолюбивые надежды почти за восемь лет до возведения на престол Диоклетиана. Пока господствовало это увлечение, многие из членов аристократии неосторожно выказывали свое усердие к делу свободы, а когда преемники Проба перестали благоприятствовать республиканской партии, сенаторы не умели скрыть своего бессильного озлобления. На Максимиана как на правителя Италии было возложено поручение искоренить этот скорее докучливый, нежели опасный дух независимости, и такая задача была совершенно подходяща для человека с его жестоким нравом. Самые достойные члены сената, которым Диоклетиан всегда выказывал притворное уважение, были привлечены его соправителем к суду по обвинению в воображаемых заговорах, а обладание изящной виллой или хорошо устроенным имением считалось за убедительное доказательство виновности. Преторианцы, которые так долго унижали величие Рима, стали охранять его, а так как эти надменные войска сознавали упадок своего влияния, то они, естественно, были расположены соединить свои силы с авторитетом сената. Диоклетиан своими благоразумными мерами незаметным образом уменьшил число преторианцев, уничтожил их привилегии и заменил их двумя преданными ему иллирийскими легионами, которые под новым именем юпитерцев и геркулианцев исполняли обязанности императорской гвардии. Но самый губительный, хотя и малозаметный удар, нанесенный сенату Диоклетианом и Максимианом, заключался в неизбежных последствиях постоянного отсутствия императоров. Пока императоры жили в Риме, это собрание могло подвергаться угнетениям, но едва ли можно было относиться к нему с полным пренебрежением. Преемники Августа были достаточно могущественны, чтобы вводить такие законы, какие внушала им их мудрость или их прихоть, но эти законы вступали в силу благодаря санкции сената. В его совещаниях и в его декретах соблюдались формы древних свободных учреждений, а благоразумные монархи, относившиеся с уважением к предрассудкам римского народа, были в некоторой мере вынуждены так выражаться и так себя держать, как это подобало генералу республики и ее высшему сановнику. Но среди армии и в провинциях они держали себя с достоинством монархов, и лишь только они выбрали для себя постоянное местопребывание вдалеке от столицы, они навсегда отложили в сторону то притворство, которое Август рекомендовал своим преемникам. В пользовании как законодательной, так и исполнительной властью монарх стал совещаться со своими министрами, вместо того чтобы спрашивать мнение великого национального совета. Название сената упоминалось с уважением до самого последнего периода империи, и тщеславию его членов еще

льстили разными почетными отличиями; но это собрание, так долго бывшее источником власти и ее орудием, постепенно впало в окруженное почетом забвение. Утратив всякую связь и с императорским двором, и с новыми учреждениями, римский сенат оставался на Капитолийском холме почтенным, но бесполезным памятником древности.

Когда римские монархи потеряли из виду и сенат, и свою древнюю столицу, они легко позабыли происхождение и свойство власти, которой они были облечены. Гражданские обязанности консула, проконсула, цензора и трибуна, из взаимного сочетания которых составила эта власть, напоминали народу о ее республиканском происхождении. Эти скромные титулы были отложены в сторону, и если монархи обозначали свое высокое положение названием императора (*Imperator*), то это слово принималось в новом и более возвышенном значении: оно означало уже не генерала римских армий, а владыку Римской империи. К названию «император», которое вначале имело чисто военный характер, присоединили другое название, в котором более ярко выражалась рабская зависимость. Эпитет *Dominus*, или господин, в своем первоначальном значении выражал не власть государя над его подданными и не власть начальника над его солдатами, а деспотическую власть господина над его домашними рабами. В этом отвратительном смысле понимали его первые Цезари и потому с негодованием отвергали его. Их сопротивление постепенно ослабело, само название стало казаться менее отвратительным, и, наконец, выражение «наш господин и император» стало употребляться не одними только льстецами, а было внесено в законы и в официальные документы. Такие высокие эпитеты могли удовлетворять самое надменное тщеславие, и, если преемники Диоклетиана отклоняли титул короля, это, как кажется, было результатом не столько их умеренности, сколько разборчивости их вкуса. Повсюду, где был в употреблении латинский язык (а он был правительственным языком на всем пространстве империи), императорский титул, исключительно принадлежавший римским монархам, внушал более уважения, нежели титул короля, который им пришлось бы разделять с множеством варварских вождей и который они, во всяком случае, должны были бы заимствовать от Ромула или от Тарквиния. Но на Востоке господствовали другие понятия, чем на Западе. С самого раннего периода истории азиатские монархи прославлялись на греческом языке под титулом *Basileus*, или королей; а так как этот титул считался в тех странах за самое высокое отличие, какое существует между людьми, то его скоро стали употреблять раболепные жители восточных провинций в униженных просьбах, с которыми они обращались к римским императорам. Диоклетиан и Максимиан даже присвоили себе атрибуты или, по меньшей мере, титулы божества и передали их своим преемникам – христианским императорам.

Впрочем, эти вычурные названия скоро утратили всякий смысл, а вместе с тем и то, что в них отзывалось нечестием, потому что когда слух свыкается с этими звуками, они перестают производить впечатление и кажутся не более как неопределенными, хотя и преувеличенными изъятиями уважения.

Со времен Августа до времен Диоклетиана римские государи вели бесцеремонное знакомство со своими согражданами, которые относились к ним точно с таким же уважением, каким пользовались сенаторы и высшие должностные лица. Их главное отличие заключалось в императорской или военной пурпуровой мантии, тогда как сенаторское одеяние было обшито тесьмой или каймой того же цвета, а одеяние всадников было обшито каймой более узкой. Из гордости или, скорее, из политических соображений хитрый Диоклетиан ввел при своем дворе такую же пышность и великолепия, какими окружали себя персидские монархи. Он имел смелость украсить себя диадемой, которую римляне ненавидели как ненавистное отличие королевского достоинства и за ношение которой винили Калигулу как за самое отчаянное сумасбродство. Это было не что иное, как широкая белая повязка, усеянная жемчужинами и обвивавшая голову императора. Великолепные одеяния Диоклетиана и его преемников были из шелка и золота, и публика с негодованием замечала, что даже их обувь была усыпана самыми дорогими камнями. Доступ к их священной особе становился с каждым днем более затруднитель-

ным вследствие введения небывалых формальностей и церемоний. Входы во дворец строго охранялись различными классами (их называли тогда школами) офицеров. Внутренние апартаменты были поручены недоверчивой бдительности евнухов, увеличение числа и влияния которых было самым несомненным признаком усиления деспотизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.